

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья КАШНИЦКИЙ ^{1,2,*}

- *Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer. Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe*
- *Vitali A., F.C. Billari. Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy*
- *Grigoriev P., E.M. Andreev. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?*
- *Scherbov S., D. Ediev. Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing?*
- *Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto. Education and lifetime earnings in the United States*
- *Marshall E.A. Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period*
- *Matsudaira J.D. Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011*
- *Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud. The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries*
- *Janssen F., F. van Poppel. The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective*
- *Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen. The role of smoking on mortality compression: An analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010*
- *Kelly L.A., S.H. Preston. The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage*

WHY DO INTIMATE PARTNERS LIVE APART? EVIDENCE ON LAT RELATIONSHIPS ACROSS EUROPE

[Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer (2015). Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe // Demographic Research. 32: 251-286. doi.org/10.4054/demres.2015.32.8]

С повсеместным распространением второго демографического перехода в Западной Европе традиционный брак перестал быть доминирующим способом организации семейной жизни. Ему на смену пришли разнообразные новые формы интимных отношений. Главным "конкурентом" брака справедливо признают сожительство. Однако в последние годы стремительно набирает популярность и привлекает все большее внимание исследователей специфическая форма семейной жизни, когда интимные партнеры, осознавая себя парой, вынуждены или предпочитают жить раздельно. Такая форма семейной жизни получила устоявшееся название в научной литературе - живущие вместе раздельно (living apart together, LAT). Специфику подобных отношений изучали на данных обследований GGS нескольких европейских стран Арт Лiefброер, Анне-Рихт Портман и Юдит Зельтцер. Исследователи поставили себе задачу выяснить, насколько распространены LAT-отношения в разных странах Европы и какие черты наиболее свойственны людям, состоящим в таких союзах.

¹ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ); ² УНИВЕРСИТЕТ ГРОНИНГЕНА (RUG) И НИДЕРЛАНДСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (NIDI, НИДЕРЛАНДЫ).

*E-mail: ikashnitsky@hse.ru.

Относительная сложность изучения LAT заключается в том, что их не всегда можно прямо противопоставлять браку или сожительству. Очень часто подобные отношения носят временный характер и предшествуют сожительству или даже браку. При этом есть определенные категории людей, не считающие LAT-отношения временными и вполне гармонично живущие в таком состоянии на протяжении длительного времени. Какова роль LAT-отношений в современной Европе и насколько они распространены? Данное исследование одним из первых пытается подробно осветить эти вопросы.

В целом LAT пока не слишком популярны: их доля колеблется в пределах 5-10% населения в возрасте 18-79 лет в разных странах Европы, при этом в Западной Европе они распространены чуть больше. Однако результаты сравнения Западной и Восточной Европы позволяют предположить, что в Восточной Европе LAT-отношения обладают большей селективностью - в них состоят преимущественно люди из высших социально-экономических слоев населения. Живут в отношениях на расстоянии преимущественно молодые люди. При этом именно молодые люди чаще выбирают LAT в качестве временной меры и выражают неудовлетворение тем, что не имеют возможности полноценно жить вместе со своими партнерами. Люди в возрасте и, в особенности, разведенные или овдовевшие более склонны рассматривать LAT в качестве стабильной формы постоянных интимных отношений. Однако подобное возрастное разграничение лучше описывает ситуацию в Западной Европе. В Восточной же Европе постоянство LAT в целом более характерно для элитарных слоев населения.

CHANGING DETERMINANTS OF LOW FERTILITY AND DIFFUSION: A SPATIAL ANALYSIS FOR ITALY

[Vitali A., F.C. Billari (2015). Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy // Population, Space and Place (early view). doi.org/10.1002/psp.1998]

Актуальна ли все еще диффузионистская теория снижения рождаемости? Агнес Витали и Франческо Биллари проверяют это на региональных итальянских данных.

Теория диффузии низкой рождаемости в основном применялась к историческим данным и относилась к масштабному снижению рождаемости на протяжении первого демографического перехода. Однако, как оказалось, теоретическая концепция не исчерпала себя и до наших дней. С развитием качества и полноты данных и распространением пространственного подхода в демографии все чаще единицей статистического наблюдения становится регион, а не страна; внутривосточные же различия оказываются не менее интересными и масштабными, чем межстрановые. Динамика внутривосточных различий в уровне рождаемости наглядно демонстрирует соответствие диффузионистской концепции: сначала изменения затрагивают наиболее продвинутые регионы и лишь позднее докатываются до отсталых периферийных частей страны.

Италия представляет собой любопытный пример страны с колоссальными региональными различиями в рождаемости. При этом традиционная картина, когда более высокая рождаемость наблюдалась в южных регионах, в последние десятилетия сменилась

на диаметрально противоположную (рисунок 1). После прохождения Италией исторического минимума коэффициента суммарной рождаемости условного поколения (1,19) в 1995 г. рождаемость стала значительно быстрее восстанавливаться в северных регионах страны.

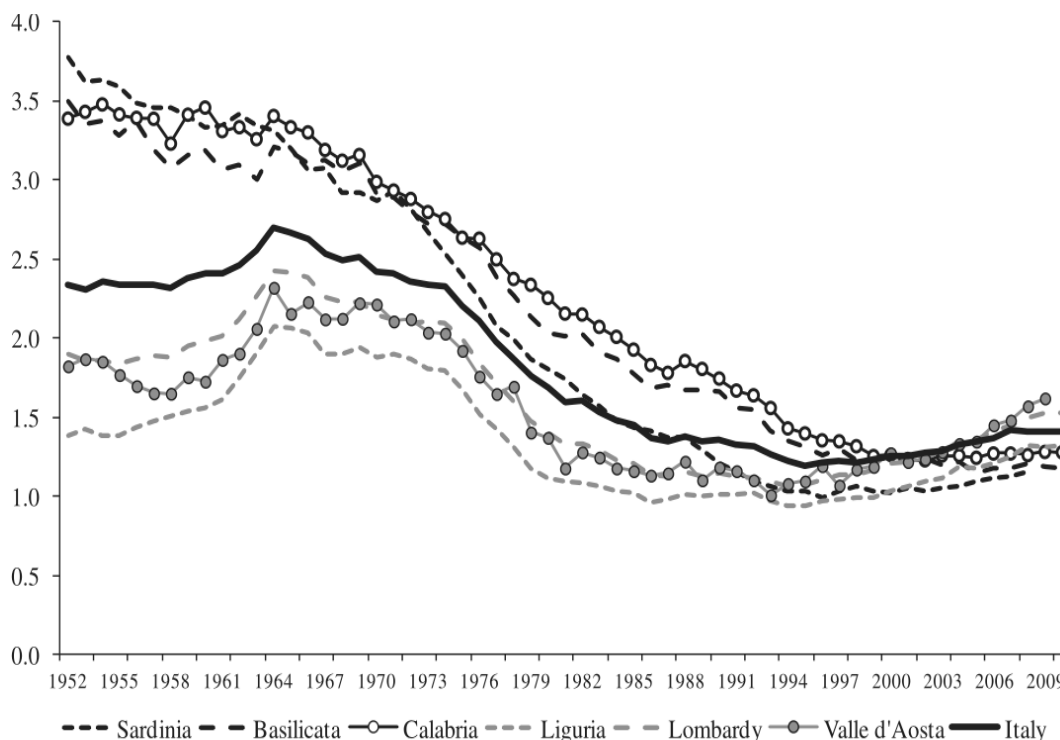

Рисунок 1. Коэффициент суммарной рождаемости в трех северных и трех южных регионах Италии, а также в среднем по стране

Еще нагляднее произошедший пространственно-временной переворот виден на картах, построенных по данным 1999 и 2010 г. (рисунок 2).

Примечательно, что вместе с пространственным распределением уровня рождаемости на противоположные сменились и корреляции рождаемости с прочими показателями (рисунок 3). В 1999 г. ВВП на душу населения, рождаемость иностранцев и уровень секуляризации были негативно связаны с уровнем рождаемости, а гендерные различия в условиях трудоустройства, наоборот, положительно. На протяжении периода исследования все корреляции сменились на противоположные.

Применяя метод географически взвешенных регрессий, авторы показывают, что взаимные зависимости всех рассмотренных переменных и уровня рождаемости существенно варьируются как на протяжении периода исследования, так и пространственно (рисунок 4).

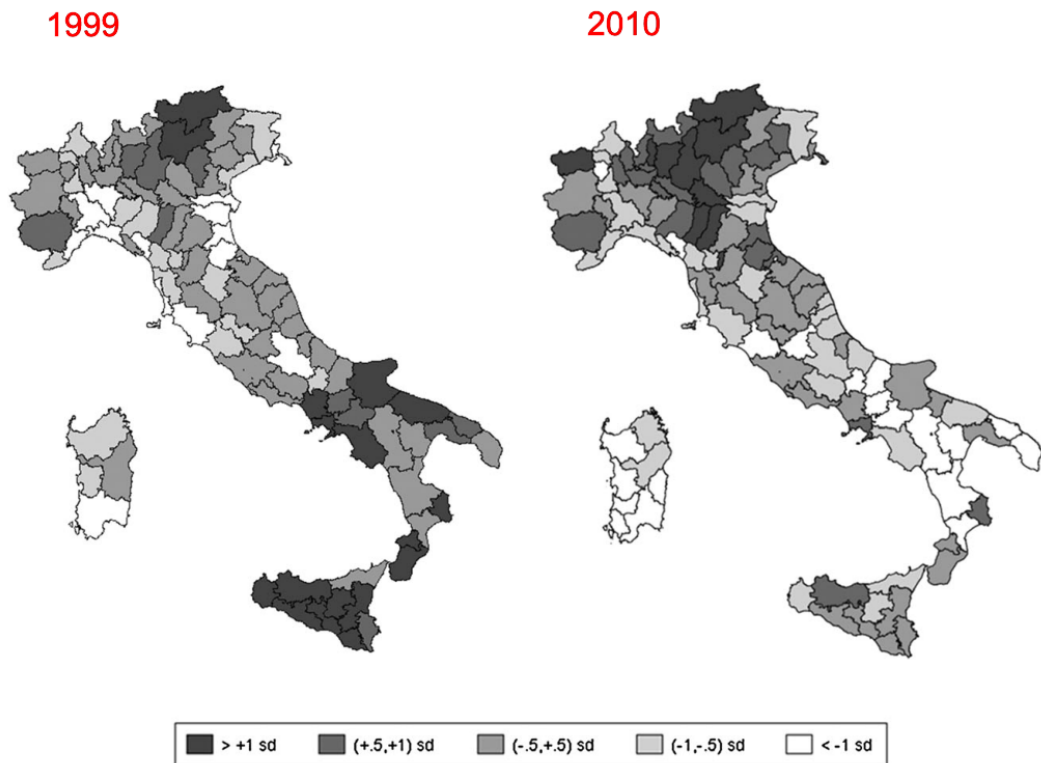

Рисунок 2. Распределение регионов Италии по отклонению от среднего по стране значения коэффициента суммарной рождаемости (в стандартных отклонениях), 1999 и 2010 г.

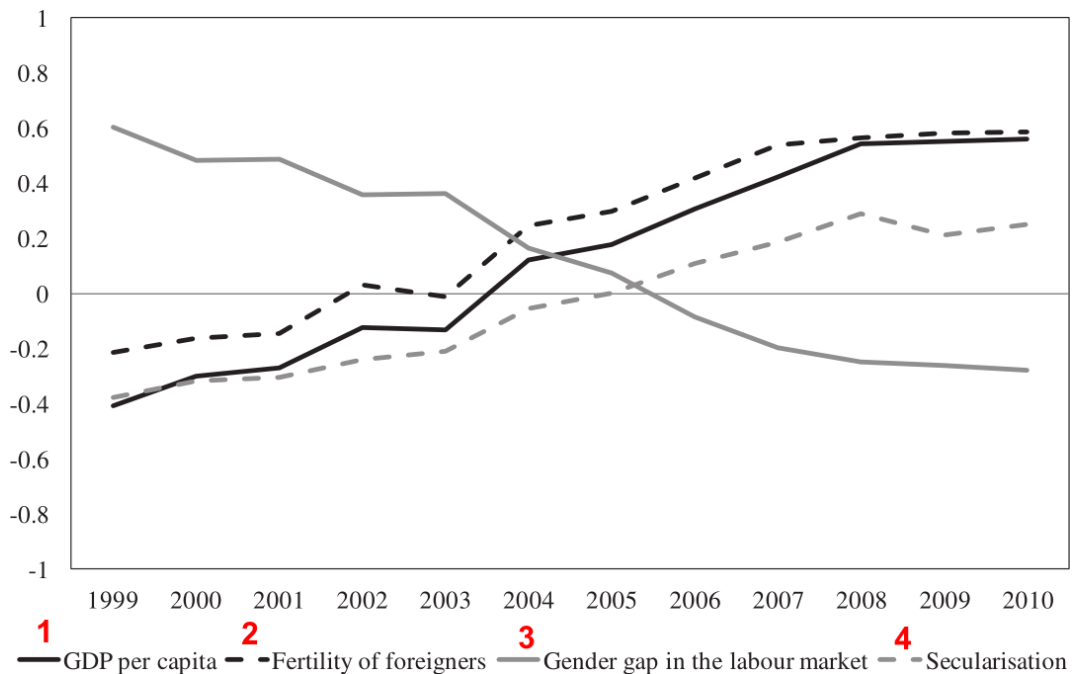

Рисунок 3. Корреляции между уровнем рождаемости и (1) ВВП на душу населения, (2) уровнем рождаемости иностранцев, (3) гендерным различием в трудоустройстве и (4) уровнем секуляризации на протяжении периода исследования (1999-2010) в Италии, административно-территориальный уровень муниципалитетов

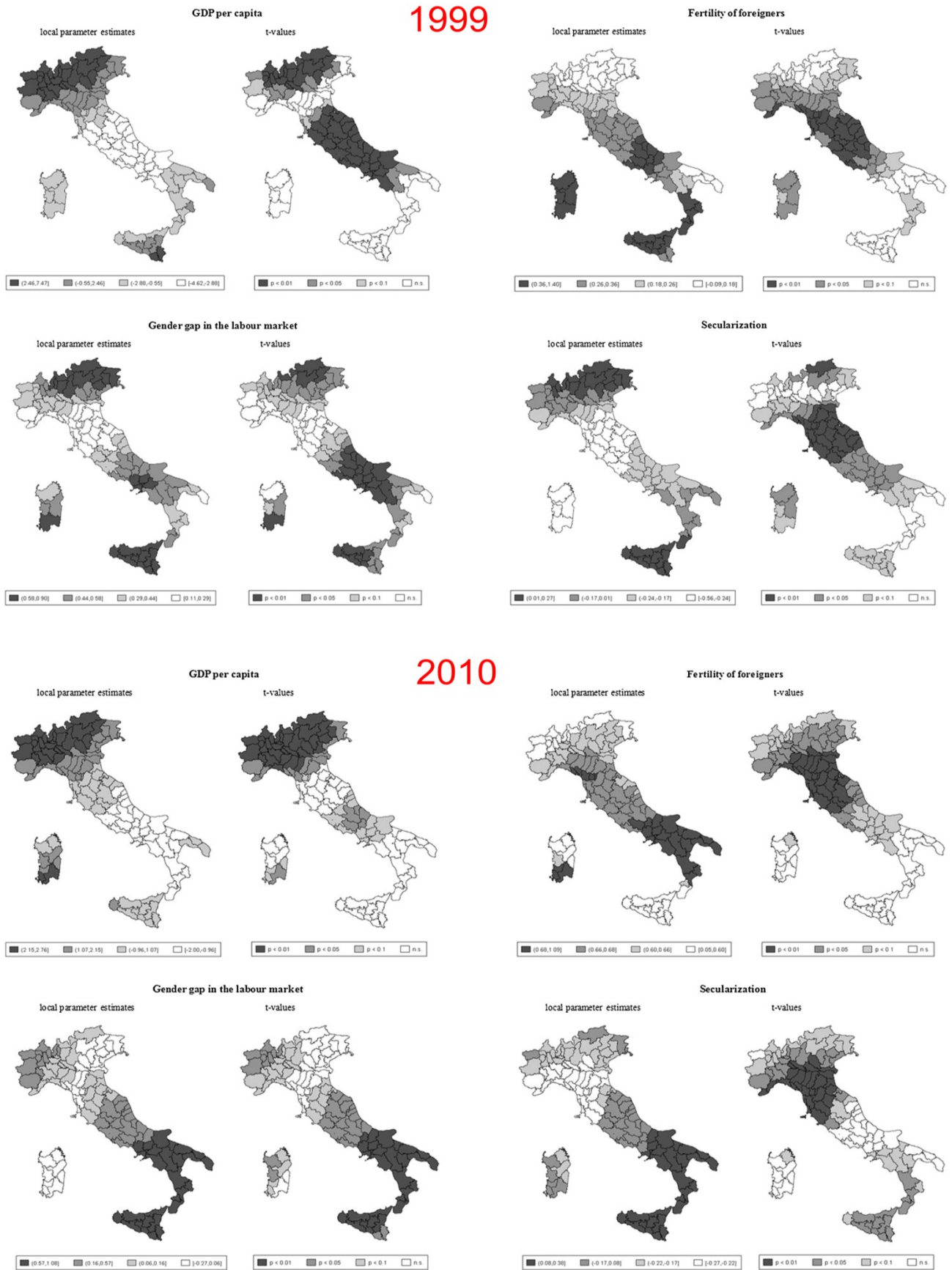

Рисунок 4. Результаты географически взвешенных регрессий

THE HUGE REDUCTION IN ADULT MALE MORTALITY IN BELARUS AND RUSSIA: IS IT ATTRIBUTABLE TO ANTI-ALCOHOL MEASURES?

[Grigoriev P., E.M. Andreev (2015). *The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?* // *PLoS One*. 10(9). e0138021]

Связано ли резкое снижение мужской смертности в России и Белоруссии с антиалкогольными мерами? Павел Григорьев и Евгений Андреев посвятили этому вопросу недавнюю статью.

Используя детальные данные о причинах мужской смертности за 1980-2013 гг., исследователи пытались выяснить, в какой мере отчетливые улучшения 2000-х годов можно отнести к позитивному влиянию антиалкогольных мер, принятых в России и Белоруссии. В качестве связанных с рискованным потреблением алкоголя причин смерти были выбраны случайные отравления алкоголем, цирроз печени, ишемические болезни сердца, сердечные приступы, ДТП и прочие внешние причины. На основе отобранных показателей был рассчитан стандартизованный коэффициент смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя (рисунок 5).

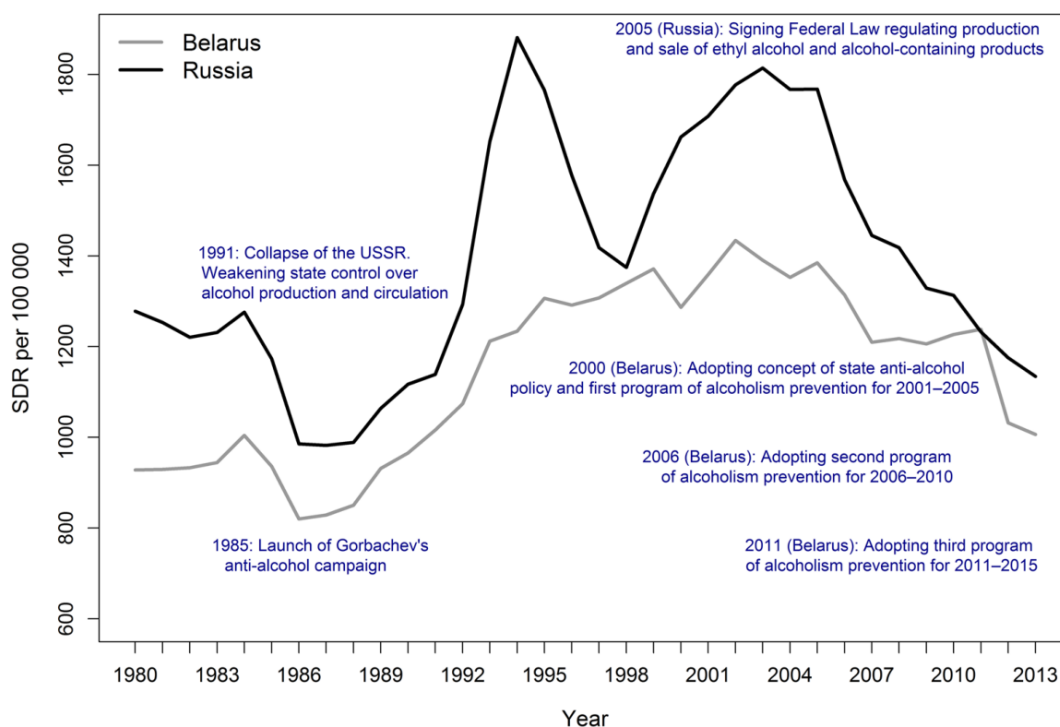

Рисунок 5. Стандартизованный коэффициент смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя, Россия (черная линия) и Белоруссия (серая линия), мужчины в возрасте 20-64 лет, 1980-2013

На рисунке 5 отмечены основные события, сильно повлиявшие на коэффициент:

- 1985 г. - начало Горбачевской антиалкогольной кампании;

- 1991 г. - распад СССР и сопутствовавшее ослабление контроля за производством и распространением алкоголя;
- 2000 г. (Белоруссия) - принята первая программа борьбы с алкоголизмом, рассчитанная на 2001-2005 гг.;
- 2005 г. (Россия) - принят федеральный закон, регламентирующий производство и продажу алкогольной продукции;
- 2006 г. (Белоруссия) - принята вторая программа борьбы с алкоголизмом, рассчитанная на 2006-2010 гг.;
- 2011 г. (Белоруссия) - принята третья программа борьбы с алкоголизмом, рассчитанная на 2011-2015 гг.

Авторы отмечают, что относительно небольшой прямой эффект наблюдался и в России, и в Белоруссии непосредственно после принятия очередного решения на государственном уровне. Однако общее снижение алкогольной смертности скорее можно отнести на счет закономерных временных флуктуаций показателя. В частности, в обеих странах снижение алкогольной смертности начиналось до введения соответствующих распоряжений. Основные же изменения тренда связаны с флуктуациями, запущенными масштабной антиалкогольной кампанией середины 1980-х годов.

Динамика отдельных показателей не указывает на то, что ситуация с алкоголизмом изменилась коренным образом (рисунок 6). Динамика смертности от цирроза печени, наиболее очевидно связанной с алкоголизмом причины, не внушает оптимизма - показатель неуклонно растет. При этом, видимо, постепенно меняется культура потребления алкоголя: оно становится все менее рискованным, снижается смертность от случайных отравлений алкоголем.

Авторы отмечают, что, на их взгляд, есть два принципиальных пути государственного воздействия на смертность от алкогольных причин. Первый направлен на сокращение числа спонтанных смертей вроде отравления алкоголем. Здесь отечественные практики государственного регулирования добились определенного успеха. Второй же путь подразумевает прицельную работу с наиболее подверженной риску группой людей - регулярно потребляющими алкоголиками. И тут значительные результаты были достигнуты лишь в середине 1980-х годов, когда жесткие государственные меры действительно пресекли десятилетиями устоявшиеся традиции потребления алкоголя, однако последовавшая сумятица начала 1990-х вернула традиционные устои. Меры 2000-х годов и близко не были столь же системными и эффективными, как Горбачевские. Поэтому определенный кратковременный и весьма умеренный эффект они оказали, но отнюдь не такой значительный, как полагали некоторые исследователи. Григорьев и Андреев отмечают, что в отличие от представленной работы апологеты успешности недавних антиалкогольных мер не объясняют конкретных механизмов, благодаря которым произошло снижение.

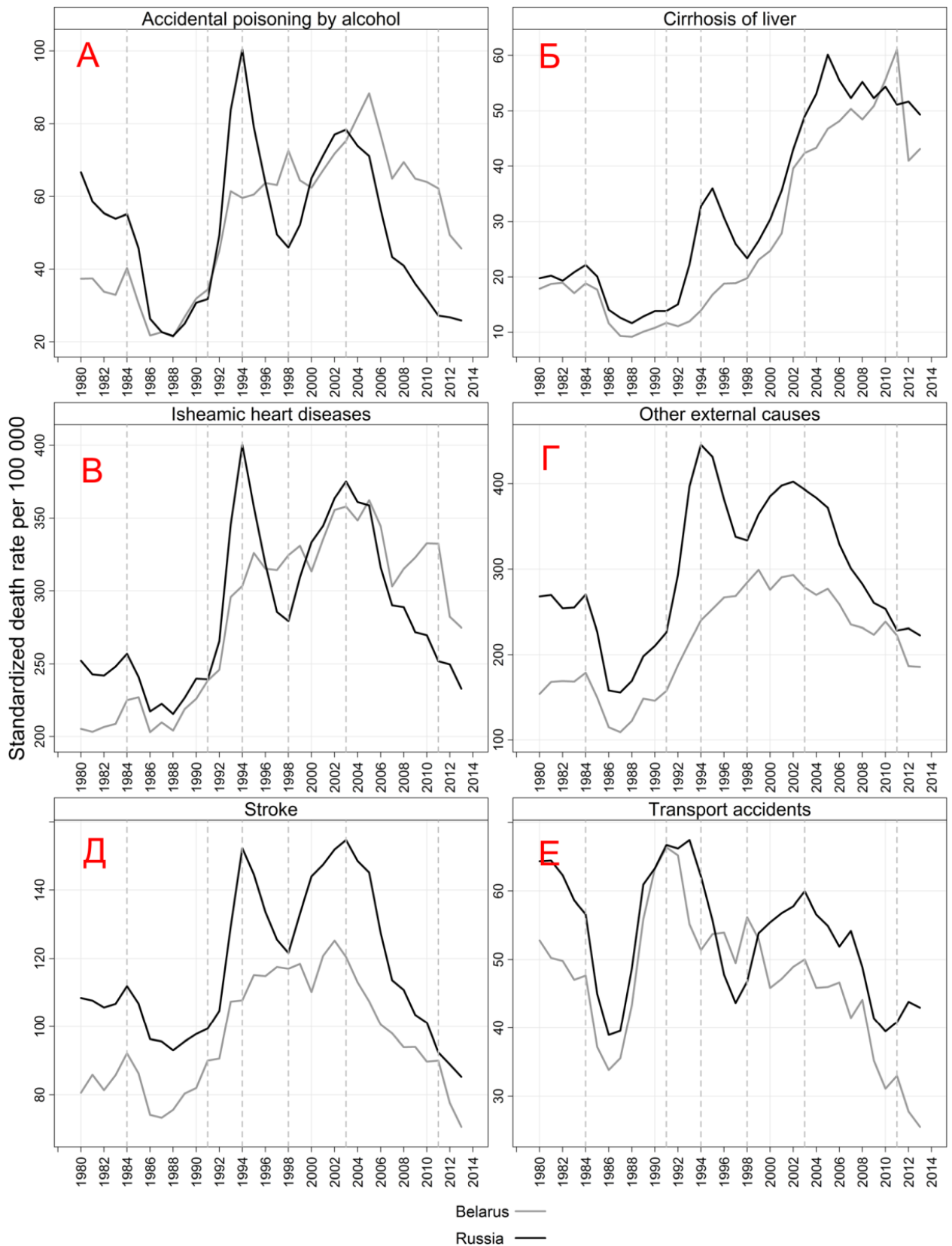

Рисунок 6. Динамика смертности от причин смерти, связанных с потреблением алкоголя: А - случайные отравления алкоголем; Б - цирроз печени; В - ишемическая болезнь сердца; Г - прочие внешние причины; Д - инсульт; Е - транспортные несчастные случаи

DOES SELECTION OF MORTALITY MODEL MAKE A DIFFERENCE IN PROJECTING POPULATION AGEING?

[Scherbov S., D. Ediev (2016). Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing? // Demographic Research. 34(2): 39-62. doi.org/10.4054/DemRes.2016.34.2]

Сергей Щербов и Далхат Эдиев исследовали, насколько результаты моделирования смертности зависят от примененной в расчетах модели. Проблема крайне актуальна: все большее количество исследований, в частности исследования старения населения, опираются на прогнозные сценарии снижения смертности. При этом, как правило, изменения возрастных показателей смертности не являются ключевым элементом демографического прогноза. В комплексных демографических прогнозах снижение смертности очень часто моделируется постепенным увеличением ожидаемой продолжительности жизни. Сценарий изменения интегрального показателя смертности не учитывает возрастной дифференциации динамики смертности. В итоге при одних и тех же исходных данных прогнозные оценки могут сильно варьироваться.

Авторы сравнили прогнозные смертности в 2050 г. для Италии, Японии, России, Швеции и США, составленные с использованием четырех различных моделей: Ли-Картера, линейной экстраполяции, Брасса и Бонгартса. Результаты значительно различаются (рисунок 7). Наибольшие различия в итоговых прогнозных демографических структурах наблюдаются в старших возрастах (рисунок 8). Результаты демографического прогноза обычно выражают в неких сводных показателях. Поскольку чаще всего темой исследования демографических структур оказывается старение населения, на основе прогнозов часто рассчитывают показатели демографической нагрузки пожилыми. Авторы демонстрируют (рисунок 9), что различия в демографических структурах, полученных разными методами прогнозирования смертности, не столь велики, если измерять демографическую нагрузку пожилыми традиционным способом (доля населения в возрасте старше 65 лет по отношению к численности населения в возрасте 20-64 лет). Однако различия становятся существенными, если применять показатели, учитывающие различия в возрастных коэффициентах смертности (например, проспективный показатель демографической нагрузки пожилыми, т.е. доля населения с остаточной ожидаемой продолжительностью жизни 15 лет и меньше по отношению к населению в трудоспособном возрасте).

Показатели демографической нагрузки пожилыми: *conventional* - отношение населения в возрасте более 65 лет к населению в возрасте 20-64 лет; *prospective* - отношение численности людей с остаточной ожидаемой продолжительностью жизни менее 15 лет к численности населения старше 20 лет и остаточной ожидаемой продолжительностью жизни не менее 15 лет.

Завершают статью Щербов и Эдиев следующей рекомендацией: везде, где только возможно, при демографическом прогнозировании лучше моделировать весь профиль возрастных коэффициентов смертности, а не принимать допущения относительно динамики сводного показателя смертности, ожидаемой продолжительности жизни. И уж во всяком случае необходимо указывать, какая из моделей прогнозирования возрастных

коэффициентов смертности использовалась (как ни странно, очень часто исследователи не публикуют эту информацию).

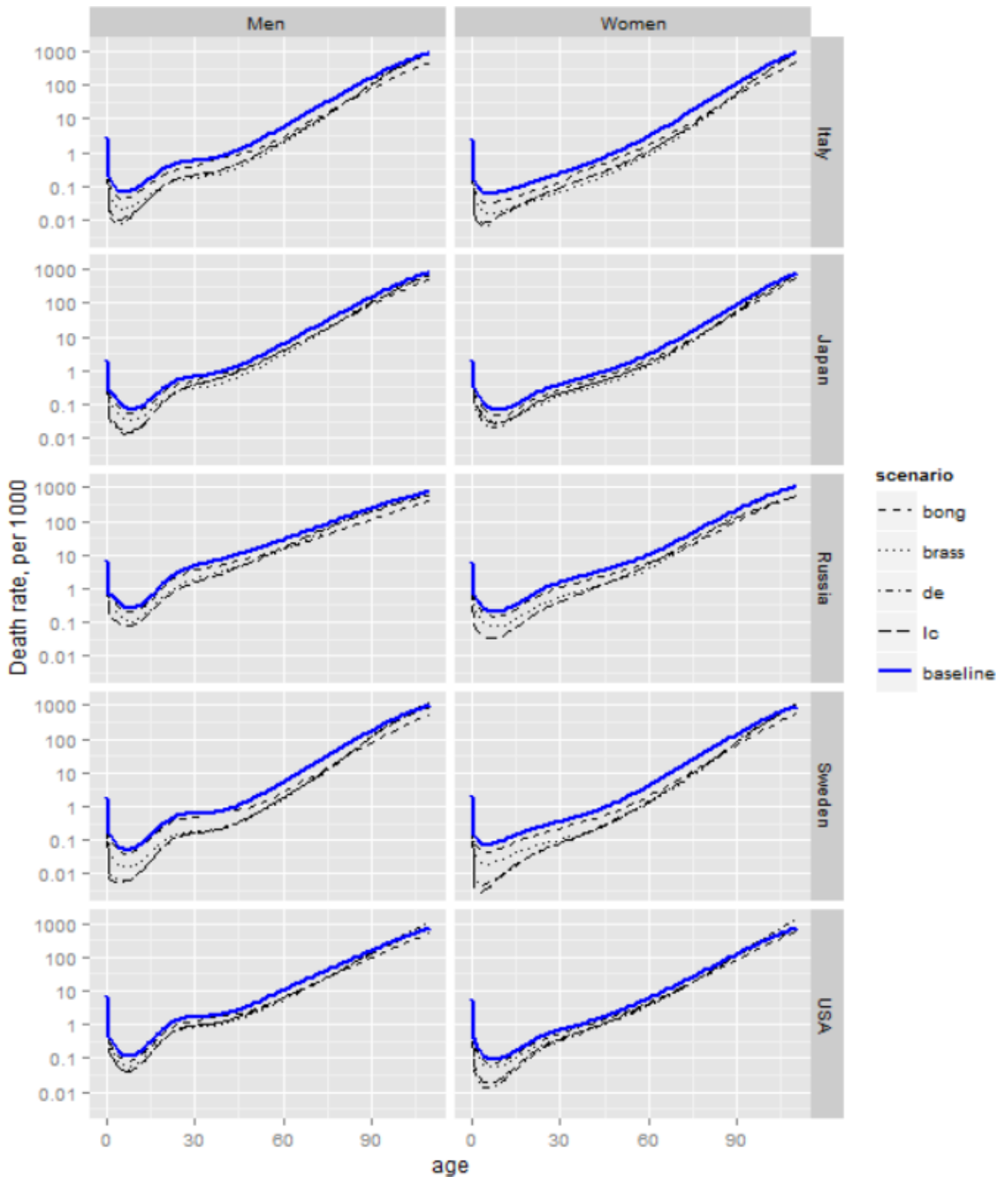

Рисунок 7. Базовый (2013) и прогнозные (2050) возрастные профили смертности, полученные различными методами

Примечание: Использованные методы: bong - Бонгартс; brass - Брасс; de - метод прямой экстраполяции; lc - Ли-Картер; baseline - оценка методом Бонгартса для базового (2013) года.

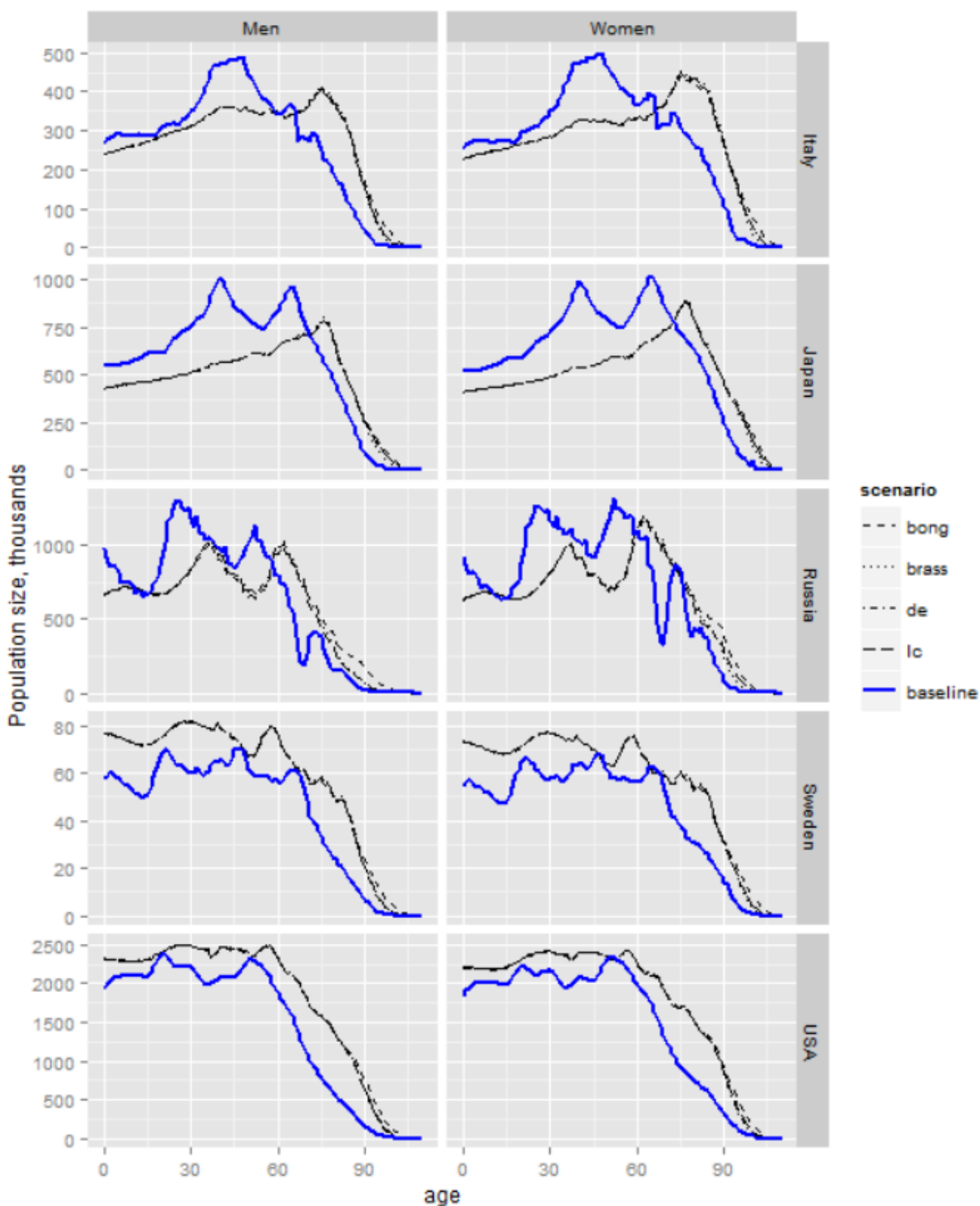

Рисунок 8. Возрастные структура населения в 2050 г., полученные разными методами прогнозирования

Примечание: Использованные методы: bong - Бонгартс; brass - Брасс; de - метод прямой экстраполяции; lc - Ли-Картер; baseline - оценка методом Бонгартса для базового (2013) года.

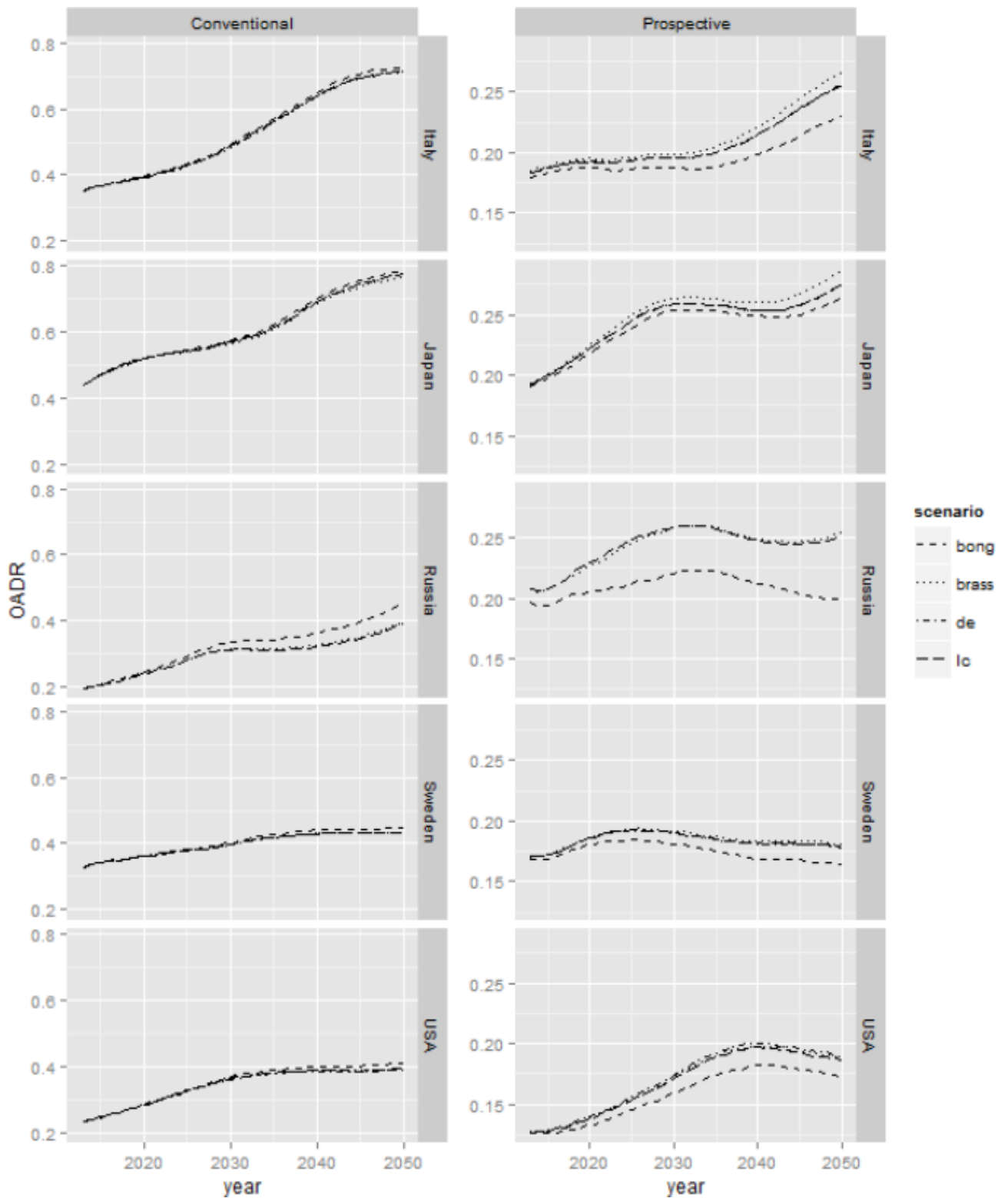

Рисунок 9. Традиционный и перспективный показатели демографической нагрузки пожилыми в 2050 г. для разных прогнозных оценок возрастной структуры

Примечание: Использованные методы: bong - Бонгарте; brass - Брасс; de - метод прямой экстраполяции; lc - Ли-Картер.

EDUCATION AND LIFETIME EARNINGS IN THE UNITED STATES

[Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto (2015). *Education and lifetime earnings in the United States // Demography. 52(4): 1383-1407. doi.org/10.1007/s13524-015-0407-0*]

Кристофер Тамборини, Чан-Ван Ким и Артур Сакамото изучали, как различаются доходы американцев на протяжении жизни в зависимости от уровня полученного образования. В отличие от многочисленных предыдущих исследований этой интригующей темы авторам удалось использовать детальные данные о налоговых отчислениях людей за продолжительный период (20 лет). Налоговые данные состыковали с ретроспективным обследованием образовательной истории. Преимущество подобного подхода заключается в том, что, во-первых, использованы объективные оценки доходов, а во-вторых, доходы респондентов отслеживаются на протяжении значительной части их трудоустроенной жизни. Как правило, подобные исследования проводились раньше на данных за очень короткий промежуток времени. При этом подразумевалось, что доходы на протяжении жизни человека будут соответствовать его доходам на момент наблюдения. В действительности, разумеется, полной корреляции нет. Поэтому продолжительность наблюдения в 20 лет - это очень сильный аргумент в пользу методологической состоятельности исследования.

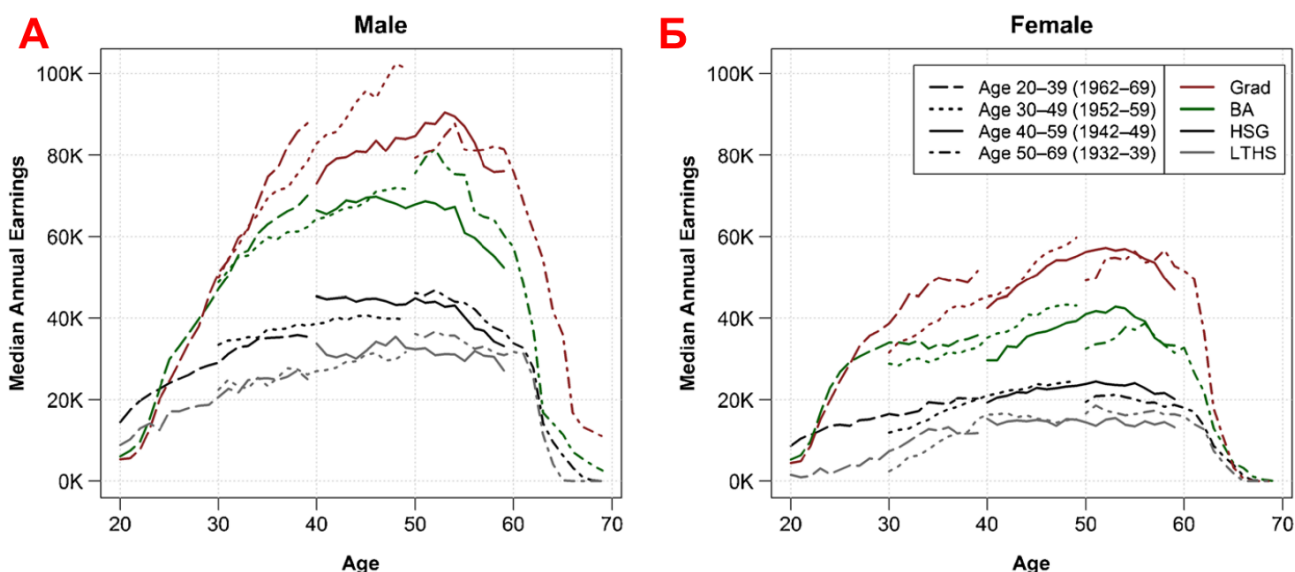

Рисунок 10. Среднегодовые доходы на протяжении жизни в зависимости от уровня образования и пола респондента (А - мужчины; Б - женщины)

Примечание: Уровни образования: красный - полное высшее; зеленый - бакалавры; черный - высшая школа / колледж; серый - все уровни ниже колледжа.

Результаты видны на рисунке 10. Регрессионный анализ, проведенный отдельно для разных когорт, подтверждает статистическую значимость различий. Примечательно, что некоторые различия в доходах в зависимости от уровня образования не значимы лишь для возрастных групп 20-29 и 60-69 лет. В молодой возрастной группе сильно отличаются

только доходы наименее образованных респондентов. В пожилом возрасте, наоборот, значительное преимущество в доходах обеспечивает лишь полное высшее образование.

Помимо очевидных гендерных различий, любопытны результаты некоторых контрольных переменных в модели. Очень значима раса в определении уровня дохода мужчин: при прочих равных условиях белое население зарабатывает значительно больше черного, испаноязычного или любого прочего населения США (у женщин неравенство не столь шокирующее). Значительно меньше на протяжении жизни зарабатывают мужчины, никогда не женившиеся (у женщин эта зависимость проявляется только в молодом возрасте). Для женщин значимым негативным фактором в уровне доходов оказывается число детей. И у мужчин, и у женщин доходы ниже у респондентов, рожденных в южных штатах.

В среднем на протяжении 50 лет карьеры диплом бакалавра обеспечивает доход выше, чем у окончивших колледж, на 43% для мужчин и на 51% для женщин. Авторы отмечают, что продолжительный период наблюдения и учет большого количества контрольных переменных в их анализе объясняют тот факт, что полученные ими оценки значительно ниже широко цитированной цифры 84% из предыдущего исследования¹.

Социальная значимость результатов, по мнению авторов, заключается в том, что они иллюстрируют окупаемость инвестиций в образование. Поскольку многие молодые люди в США серьезно размышляют, стоит ли взваливать на себя ярмо образовательных кредитов, подобные результаты могут убедить многих в целесообразности инвестиций в собственное образование.

POPULATION PROJECTIONS AND DEMOGRAPHIC KNOWLEDGE IN FRANCE AND GREAT BRITAIN IN THE POSTWAR PERIOD

[Marshall E.A. (2015). Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period // Population and Development Review. 41(2): 271-300. doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00047.x]

Специфика прогнозов заключается в том, что они полностью обращены в будущее, на их основании принимаются решения "здесь и сейчас", и довольно редко к ним возвращаются спустя годы. Уникальное исследование провел Эмили Маршал, изучив *post factum* различия демографических прогнозов во Франции и Великобритании на протяжении второй половины XX века. Пример этих двух стран крайне любопытен, поскольку, несмотря на очень похожие фактические изменения рождаемости (рисунок 11), на протяжении всего послевоенного времени в Великобритании и Франции существенно различались взгляды на уровень рождаемости как среди демографов, так и среди политиков, в медиа и просто в

¹ Carnevale A.P., S.J. Rose, B. Cheah (2013). The college payoff: education, occupation, and lifetime earnings (Report). Washington, DC: Georgetown University Center on Education and the Workforce. URL: <https://cew.georgetown.edu/report/the-college-payoff>

общественном сознании.

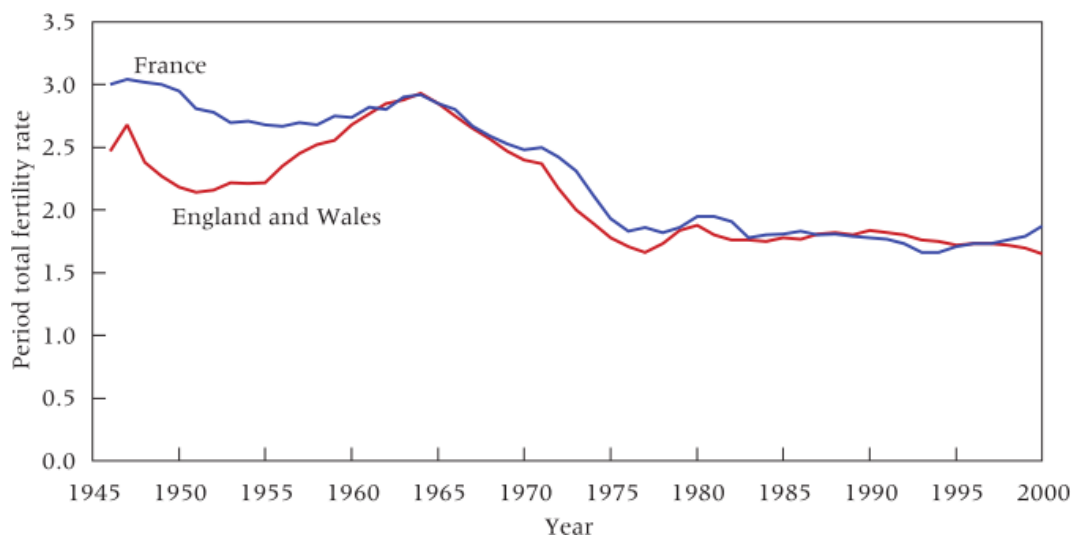

Рисунок 11. Коэффициенты суммарной рождаемости в Англии и Франции, 1946-2000

Во Франции на протяжении длительного периода демографы транслировали политикам озабоченность снижающимся уровнем рождаемости. В результате грядущее недовоспроизводство населения стало восприниматься как общеизвестная и практически неизбежная проблема. Политики Франции одними из первых стали формировать тщательно продуманные меры поддержки семей пронаталистского толка. В Британии же проблема снижающейся рождаемости как будто бы не была замечена.

Маршал предлагает исследовать кумулятивное отношение государства к изменяющимся демографическим реалиям путем анализа сценариев, заложенных в исторические демографические прогнозы. Проанализировав официальные национальные демографические прогнозы, автор старается понять, откуда берутся существенные различия в демографических прогнозах при похожих параметрах воспроизводства населения.

Сам подход к публикации демографических прогнозов сильно различается в Англии и Франции. В Британии до середины 1970-х годов публиковали лишь один средний вариант демографического прогноза. Даже когда начали публиковать несколько вариантов, их подавали как-то вскользь, аргументируя необходимость их публикации неопределенностью основного варианта, их не преподносили в качестве равновероятных путей дальнейшего развития. В целом же внимание умышленно фокусировалось на среднем варианте прогноза, чтобы обеспечить максимальную однозначность в оценках всех пользователей демографического прогноза. Напротив, во Франции принято было публиковать только низкий и высокий варианты прогноза. Таким образом закладывалась идея, что любой использующий прогнозные данные должен понимать весь размах неопределенности. В результате в Британии сложилось детерминистское отношение к демографическому будущему, в то время как во Франции всегда подчеркивалась широта возможных исходов и подразумевался простор для целенаправленных усилий демографической политики.

Анализ официальных демографических прогнозов в Англии и Франции на протяжении второй половины XX века показал, что практически все различия объясняются

прогнозируемыми сценариями изменения рождаемости. В Англии при прогнозе рождаемости легко допускалось, что снижение ниже уровня простого воспроизводства - временное явление и что в относительно скором будущем все вернется "в норму". Во Франции, напротив, демонстрация как минимум двух вариантов прогноза всегда призывала учитывать возможные негативные сценарии развития (рисунок 12).

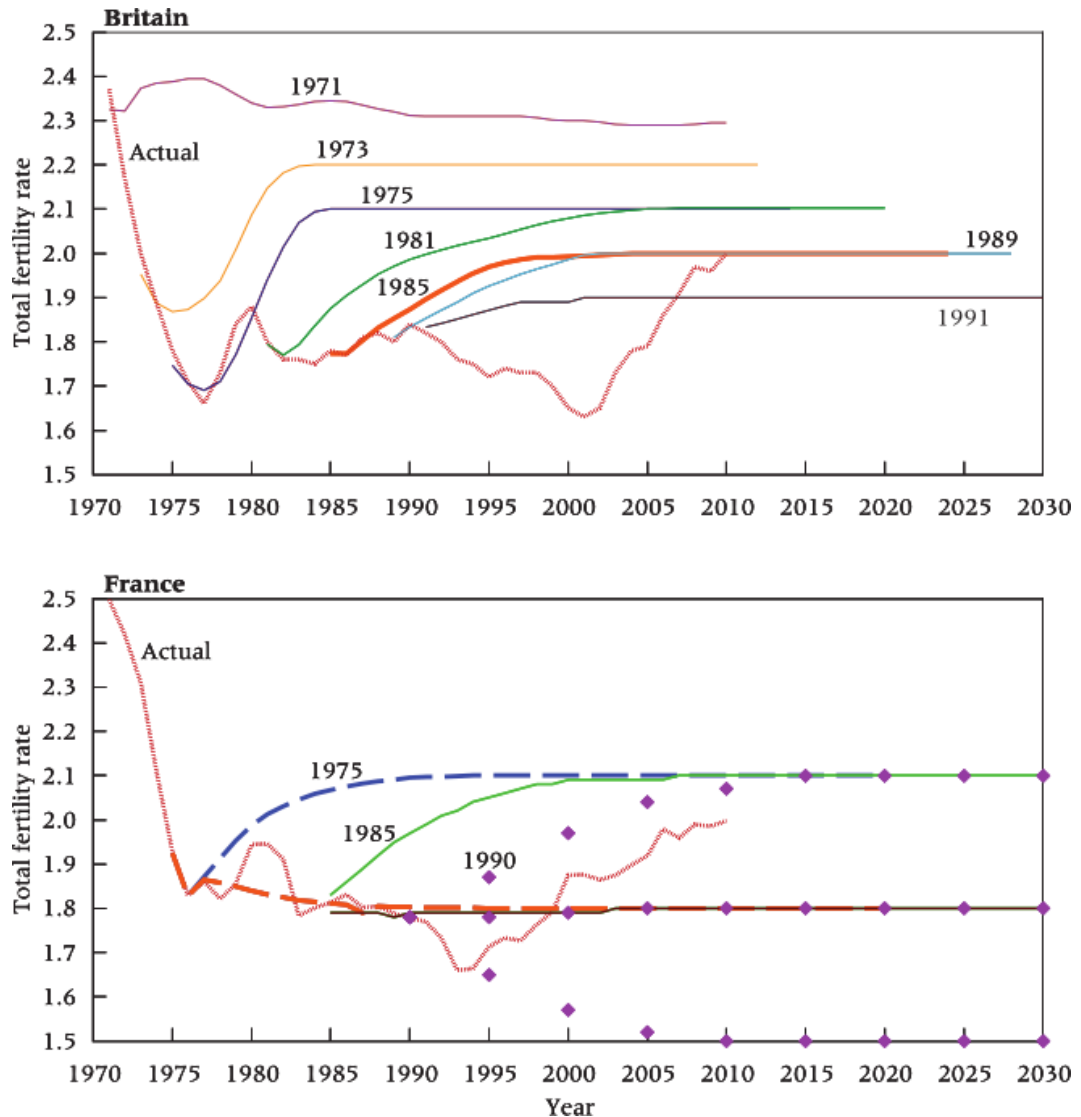

Рисунок 12. Сценарии изменения рождаемости в демографических прогнозах в Британии и Франции, 1971-1991

Рассуждая о причинах столь различных подходов к демографическому прогнозированию, автор отмечает, что рано сформировавшиеся опасения грядущей депопуляции во Франции (ранее других стран Европы испытавшей снижение рождаемости) привели к формированию институтов, способствовавших росту влияния демографов при принятии решений в области демографической политики. В Англии демографическое прогнозирование исторически было доверено статистикам и актуариям, людям без специального демографического образования. В сложившейся ситуации академическому сообществу в Англии оказалось гораздо сложнее влиять на политические решения. В результате демографические прогнозы отражают озабоченность динамикой

демографических показателей во Франции и равнодушие к ним в Англии. Однако, если взглянуть под другим углом, можно предположить, что на протяжении второй половины XX века демографические прогнозы сами являлись существенным фактором, усиливавшим озабоченность во Франции и ложное ощущение стабильности в Англии.

ECONOMIC CONDITIONS AND THE LIVING ARRANGEMENTS OF YOUNG ADULTS: 1960 TO 2011

[Matsudaira J.D. (2015). Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011 // Journal of Population Economics. 29(1): 167-195. doi.org/10.1007/s00148-015-0555-y]

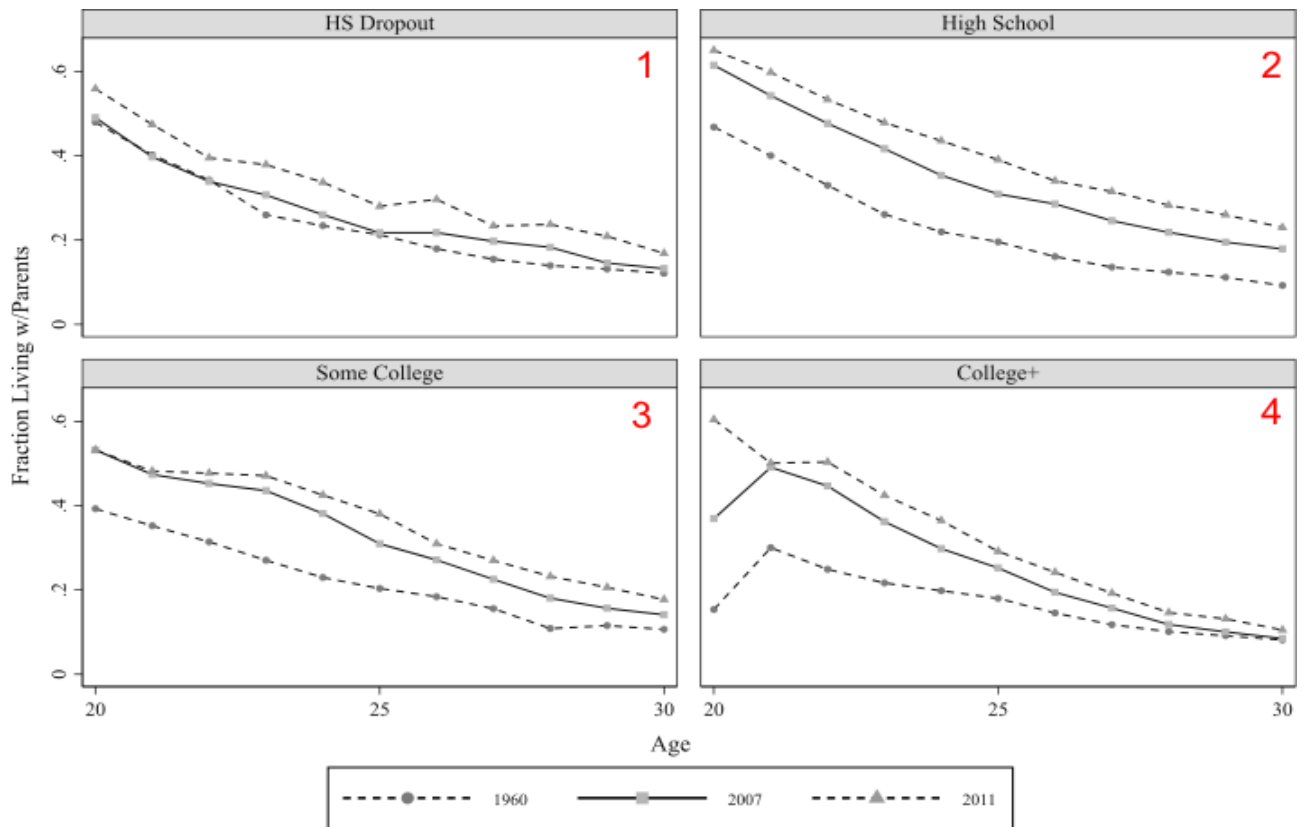
Очень часто можно услышать истории о том, что недавний экономический кризис вынудил молодых людей продолжить жить у родителей или даже вернуться под родительский кров из-за ухудшившихся финансовых обстоятельств. Джордан Мацудайра проверил обоснованность подобных рассуждений на данных более 15 млн американцев за 1960-2011 гг. Это первое исследование данного вопроса со столь значительной временной экспозицией.

Кризис 2008 г. сильно отразился на благополучии американской молодежи. Безработица среди самых молодых людей трудоспособного возраста достигла небывалых для США величин: почти четверть среди юношей и до 15% среди девушек. Негативные экономические условия совпали с резким ростом доли молодых людей, проживающих совместно с родителями. Алармистские статьи успели назвать поколение кризисной молодости "детьми-бумерангами" и "поколением провального старта". Однако какова роль непосредственно кризиса? Без всякого экономического потрясения доля молодых людей, живущих у родителей, значительно выросла за последние полвека (рисунок 13).

Наблюдаются значительные различия в доле проживающих с родителями в зависимости от уровня образования (рисунок 13). Также есть существенные расовые различия: белые менее склонны к проживанию с родителями (рисунок 14).

Результаты регрессионного анализа показывают, что все переменные, связанные с уровнем экономического благополучия, оказывают значительное влияние на долю молодых людей, проживающих с родителями. Их эффект достаточно велик, он объясняет до 80% роста доли проживающих с родителями за период с 1970 по 2011 г. При этом примечательно, что эффект значительно сильнее среди не белого населения США.

В целом результаты анализа подтверждают исключительную значимость экономических переменных в объяснении динамики доли молодежи, живущей совместно с родителями. Таким образом, косвенно подтверждается справедливость утверждений относительно огромных негативных последствий недавнего экономического кризиса, который беспрецедентно подрезал возможности американской молодежи.

Graphs by Education Level

Рисунок 13. Доля юношей, живущих совместно с родителями, по уровню образования: 1 - не закончившие школу; 2 - закончившие только школу; 3 - учившиеся в колледже; 4 - отучившиеся в колледже и продолжившие обучение

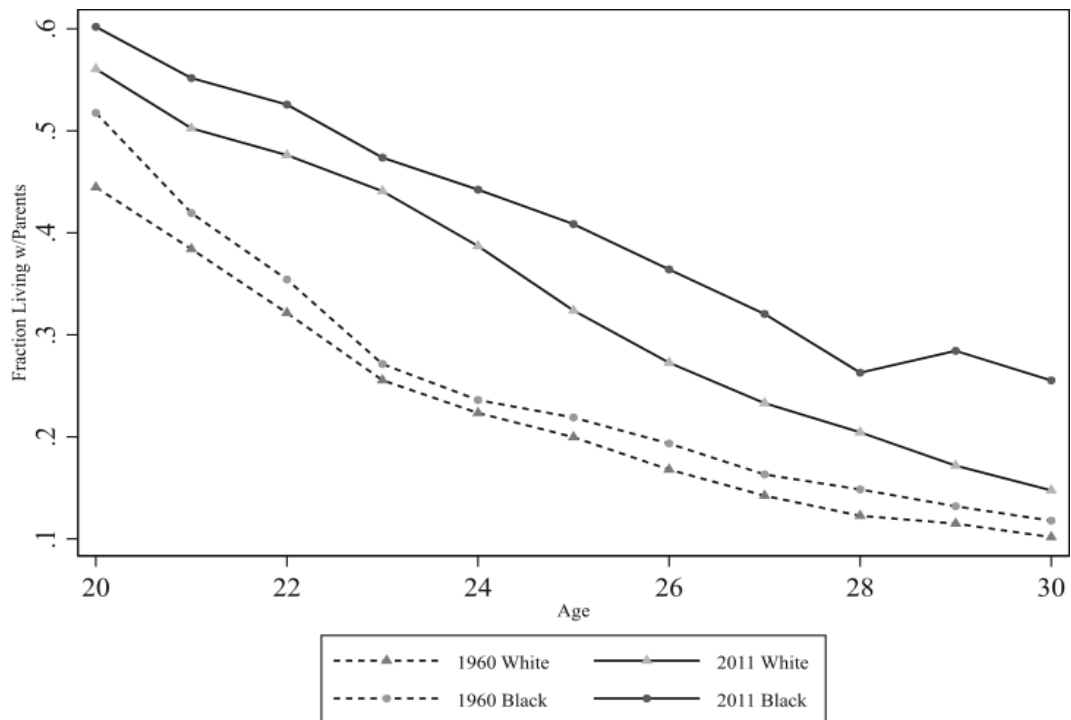

Рисунок 14. Доля юношей, проживающих с родителями, по расовой принадлежности, 1960 и 2011 г.

THE ROLE OF SMOKING IN CHANGES IN THE SURVIVAL CURVE: AN EMPIRICAL STUDY IN 10 EUROPEAN COUNTRIES

[Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud (2015). *The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries* // *Annals of Epidemiology*. 25(4): 243–249. doi.org/10.1016/j.annepidem.2015.01.007]

Фанни Янсен, Валентин Руссо и Фред Пэко опубликовали результаты эмпирического исследования, в котором они изучали влияние распространенности курения на изменение модели смертности в 10 странах Европы. Для этого они использовали данные Human Mortality Database о смертности по причинам смерти и данные национальных статистических ведомств о распространенности курения для Дании, Финляндии, Франции, Западной Германии, Италии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Великобритании за период с 1950 по 2009 г.

Прирост ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет разложили на две принципиальные компоненты: сжатие смертности (mortality compression) и рост долгожительства (longevity extension). Эти две компоненты отражают два принципиальных механизма, за счет которых происходит увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Сжатие смертности происходит, когда все большая доля населения доживает до модального возраста (возраста, в котором происходит наибольшее количество смертей). При этом в чистом виде сжатие смертности не подразумевает увеличение модального возраста смерти. Напротив, рост долгожительства подразумевает увеличение модального возраста смерти. Если посмотреть на распределение умерших по возрасту, сжатие смертности выражается в усилении пика в районе модального возраста смерти, в то время как рост долгожительства проявляется в смещении пика вправо, к более зрелым возрастам.

Эмпирическое исследование авторов заключалось в том, что они, рассчитав вклад сжатия смертности и рост долгожительства в увеличение ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет (рисунок 15), сравнили эти тренды с динамикой распространенности курения (рисунок 16). Резкое снижение распространенности курения среди мужчин в 1980-х годах сразу же отразилось на вкладе сжатия смертности в увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Если же исключить из анализа все связанные с курением смерти (рисунок 15; сплошные черные линии), подобного ускорения сжатия смертности не наблюдается. Корреляционный анализ (рисунок 17) показал, что изменения в распространенности курения теснее связаны с динамикой сжатия смертности, чем с ростом долгожительства (при этом вполне закономерно в обоих случаях корреляция негативная, т.е. чем быстрее сокращается доля курящего населения, тем быстрее растет ожидаемая продолжительность жизни). Различия в тесноте связи авторы объясняют существенным вкладом курения в смертность относительно молодого населения.

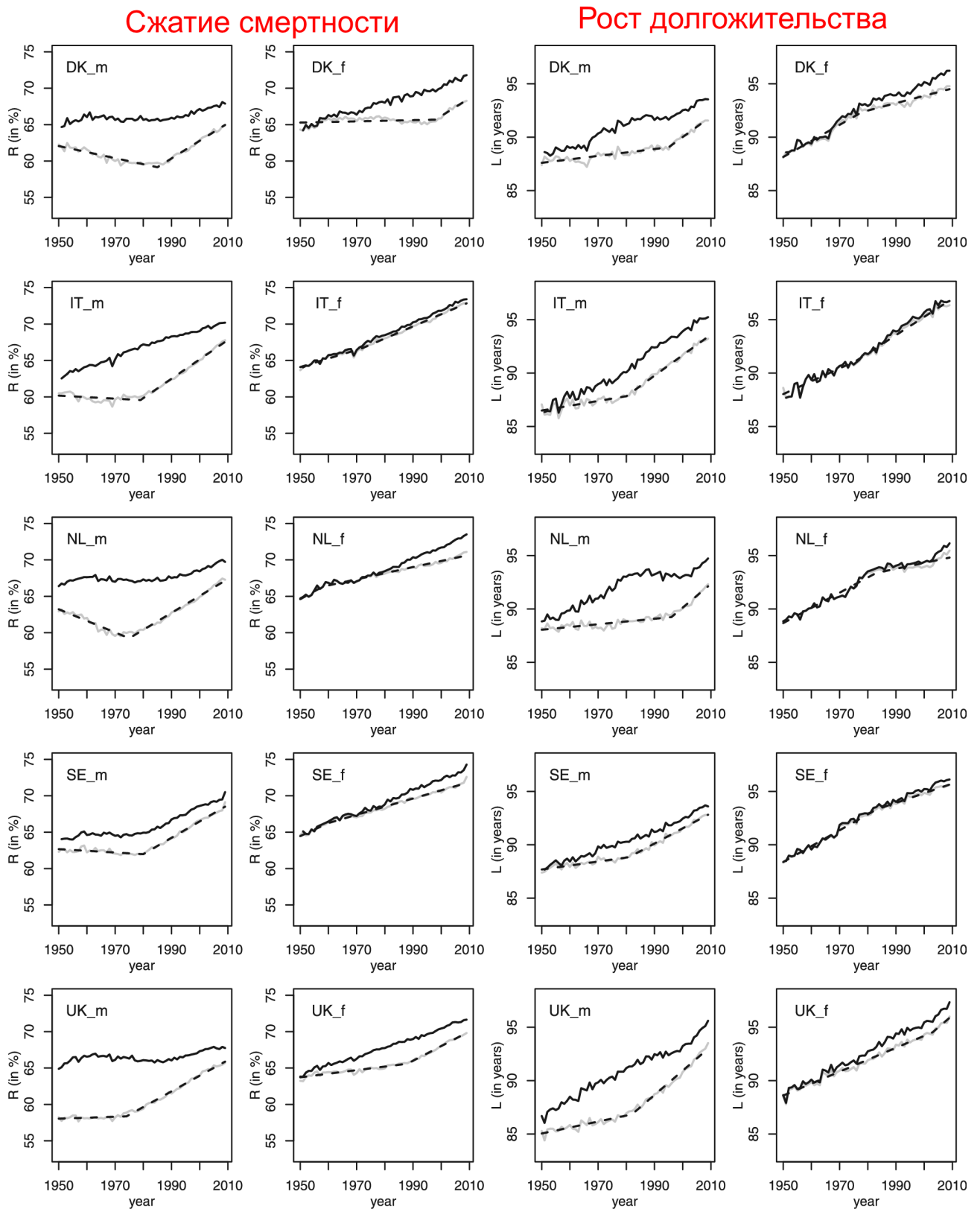

Рисунок 15. Динамика сжатия смертности (левая панель) и роста долгожительства (правая панель) для пяти стран, 1950-2009

Примечание: Серая линия – все причины смерти, черная линия – исключены связанные с курением причины смерти; f – женщины, m – мужчины.

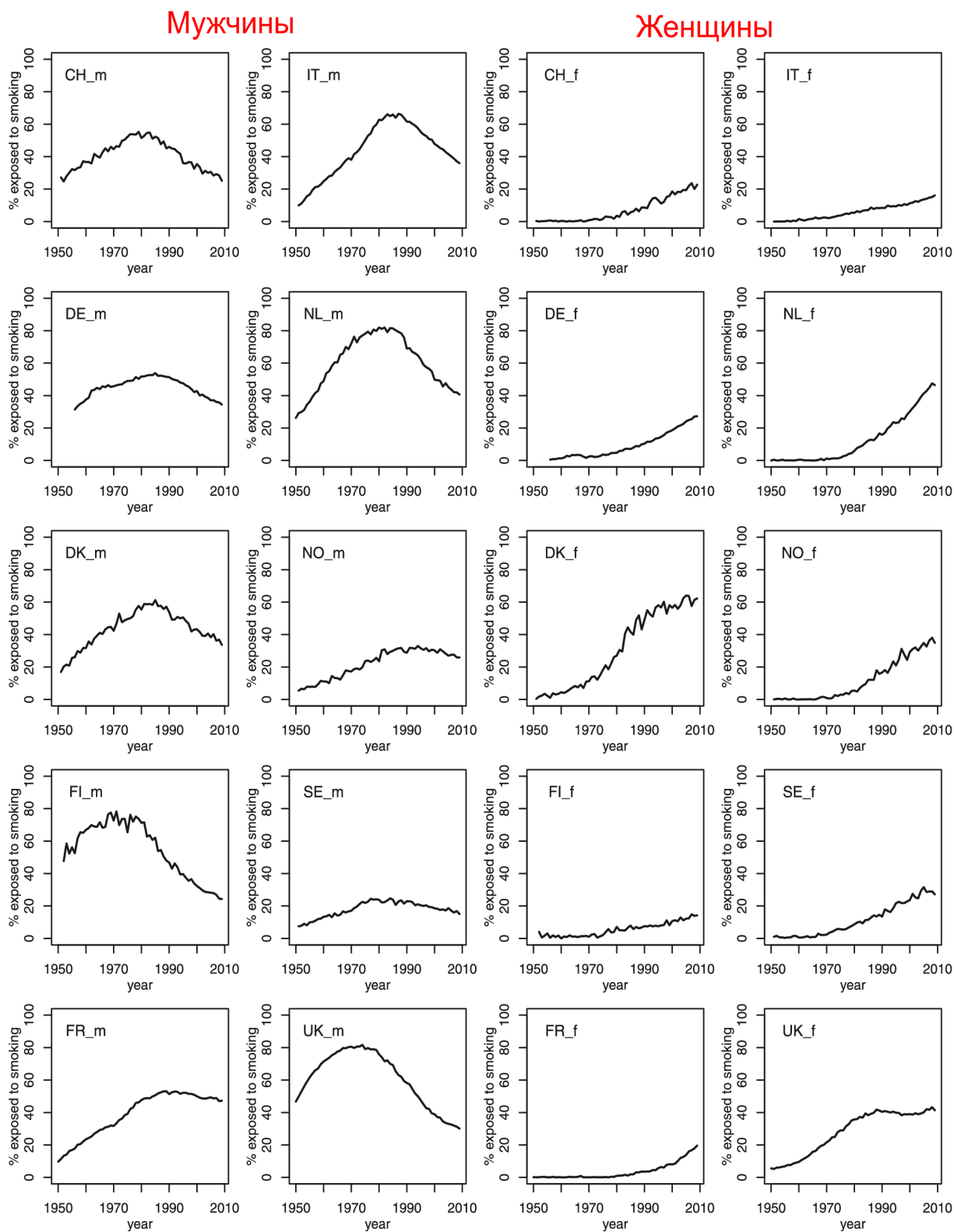

Рисунок 16. Оценки стандартизированных по возрасту и полу показателей распространения курения для всех 10 стран

Примечание: CH – Швейцария, DE – Западная Германия, DK – Дания, FI – Финляндия, FR – Франция, IT – Италия, NL – Нидерланды, NO – Норвегия, SE – Швеция, UK – Великобритания; f – женщины, m – мужчины.

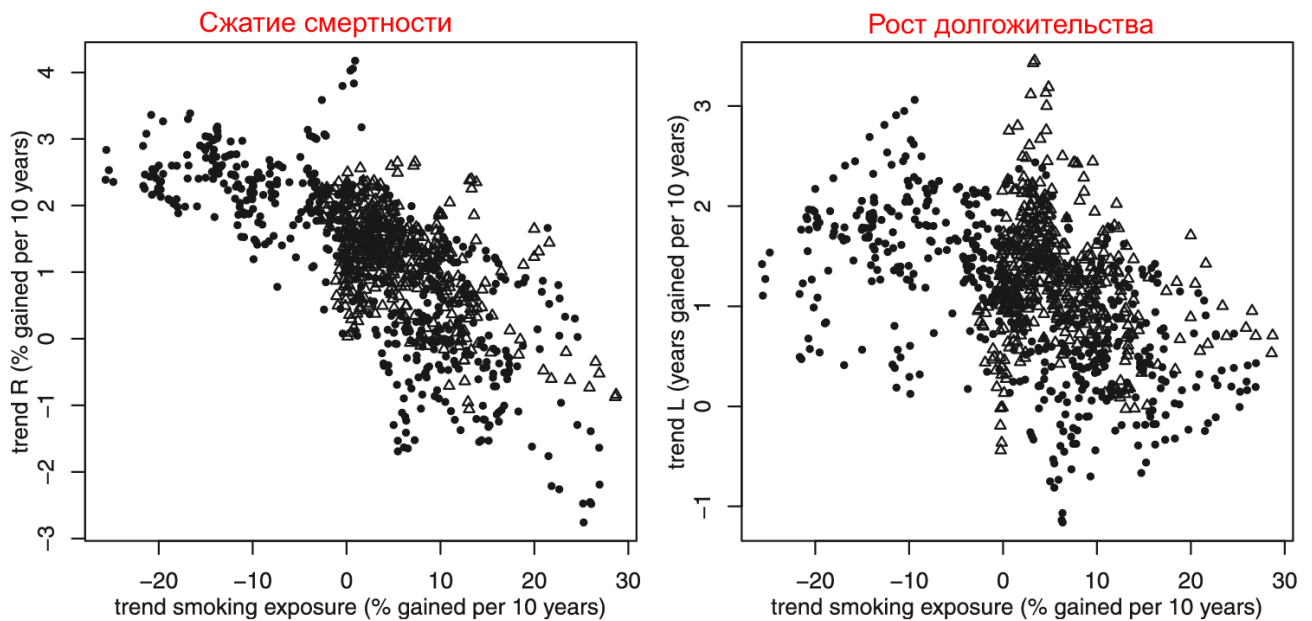

Рисунок 17. Корреляция десятилетних изменений в распространенности курения и десятилетних изменений сжатия смертности (левая панель) и роста долгожительства (правая панель)

В целом результаты наглядно демонстрируют, насколько значительный эффект оказывает сокращение распространенности курения (особенно среди мужчин) на вероятность дожития до более преклонного возраста.

THE ADOPTION OF SMOKING AND ITS EFFECT ON THE MORTALITY GENDER GAP IN NETHERLANDS: A HISTORICAL PERSPECTIVE

[Janssen F., F. van Poppel (2015). *The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective* // *BioMed Research International*: 1–12. [dx.doi.org/10.1155/2015/370274](https://doi.org/10.1155/2015/370274)]

Фанни Янсен и Франс ван Поппель, используя длительный ряд наблюдений для Голландии, продемонстрировали исключительную роль курения в объяснении различия в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин. Мужчины в послевоенной Голландии поголовно курили; эпидемия курения сошла на нет к 1980-м годам (рисунок 18).

Декомпозиция различий в продолжительности жизни между полами показывает, что различия в смертности от связанных с курением причин объясняют практически львиную долю разницы – в среднем около трех четвертей (рисунок 19).

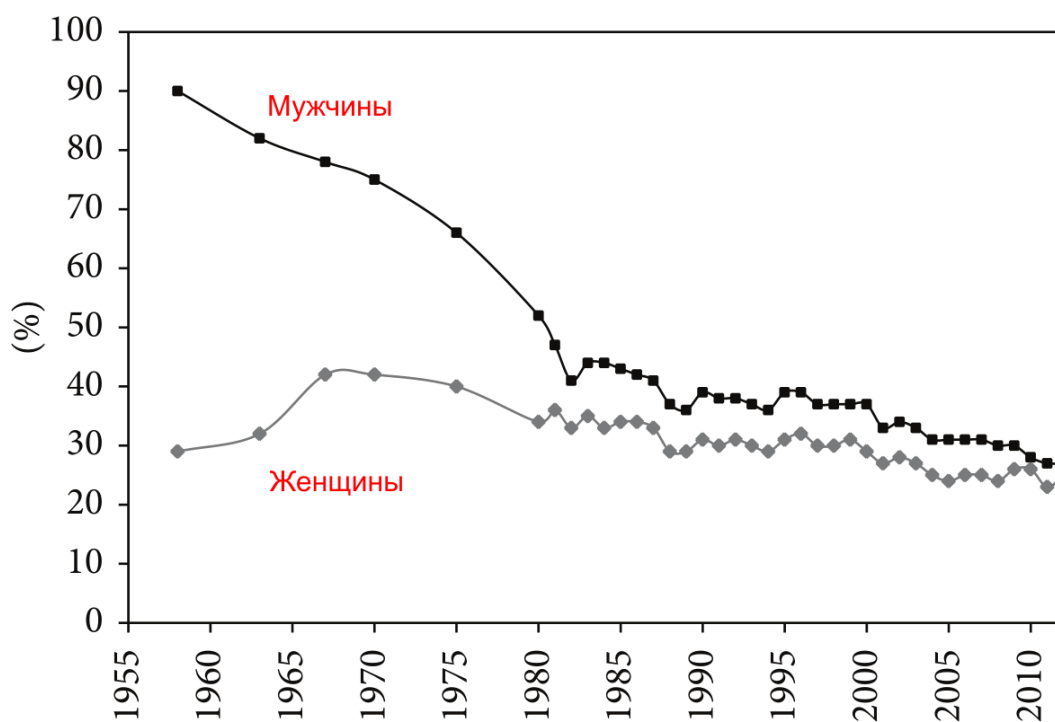

Рисунок 18. Распространенность курения в Нидерландах среди населения старше 15 лет

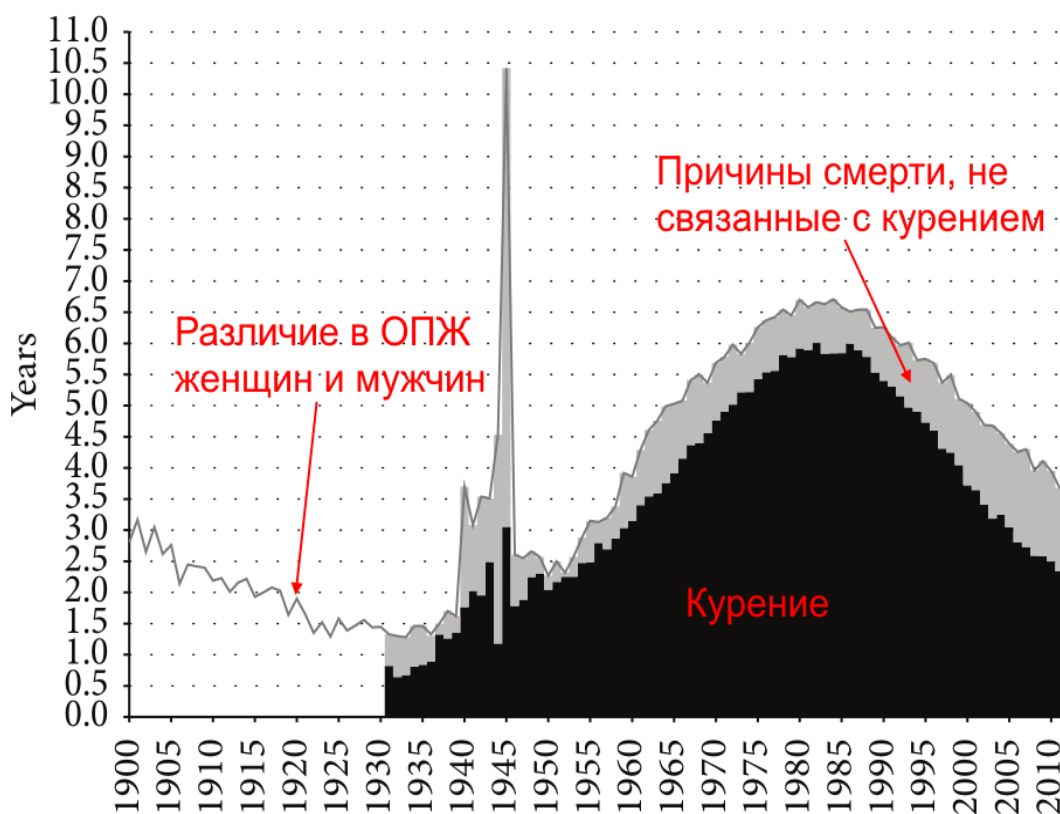

Рисунок 19. Вклад связанных (черный) и не связанных (серый) с курением причин смерти в различия в ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) у женщин и мужчин в Нидерландах

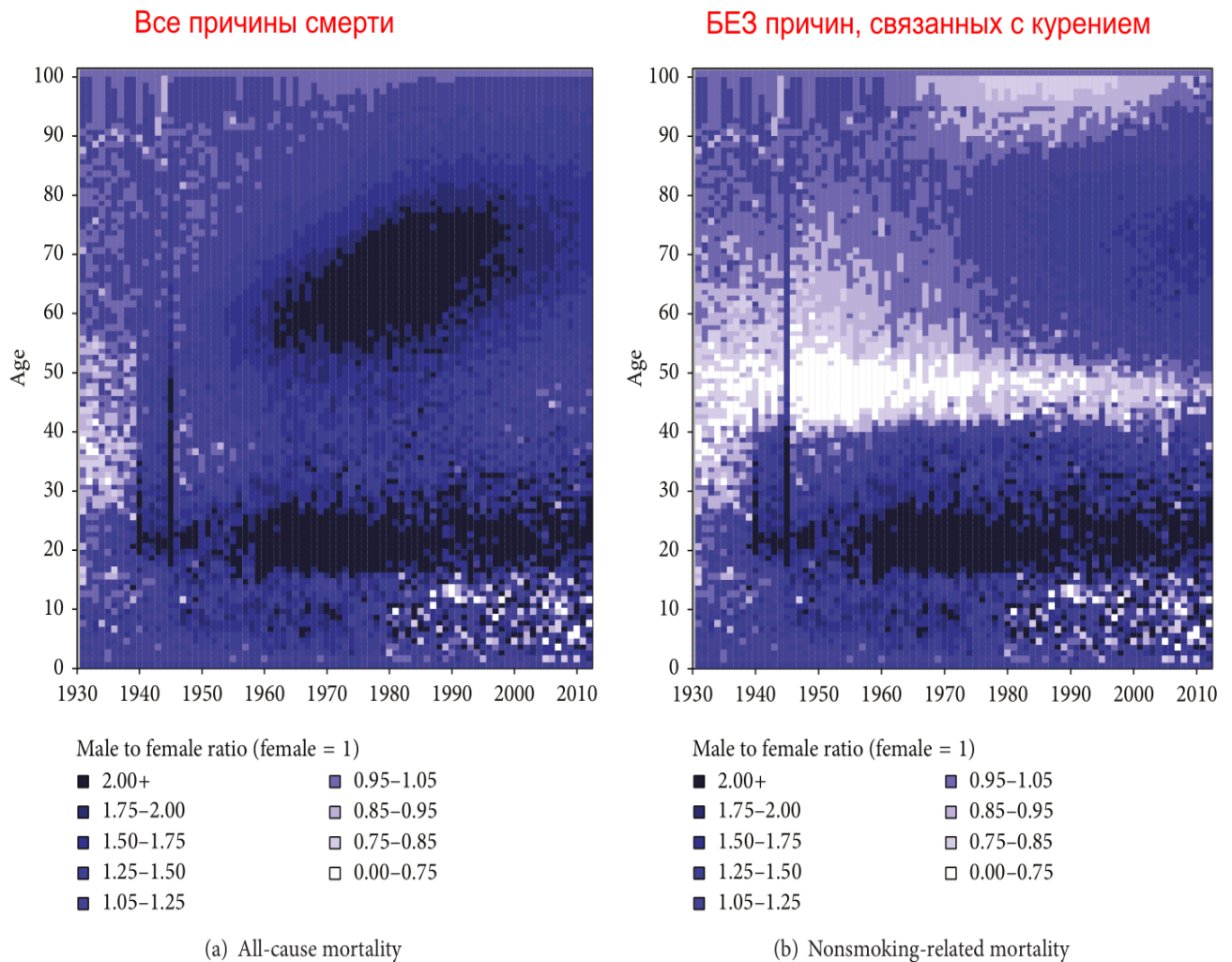

Рисунок 20. Соотношение коэффициентов смертности мужчин и женщин: все причины смерти (левая панель); не связанные с курением причины смерти (правая панель)

Визуализация соотношения коэффициентов смертности мужчин и женщин с учетом связанной с курением смертности и без ее учета показывает, что различия в основном затрагивают зрелые возраста. Кроме того, пик различий в смертности в зрелых возрастах, связанный с курением, пришелся на 1980-е, 1990-е годы (темное пятно на левой панели рисунка 20), т.е. примерно через 30 лет после начала активного сокращения доли курящих мужчин.

Резюмируя, авторы утверждают, что ключевым фактором существенного увеличения разницы в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин во второй половине XX века в Нидерландах стала эпидемия курения у мужчин.

THE ROLE OF SMOKING ON MORTALITY COMPRESSION: AN ANALYSIS OF FINNISH OCCUPATIONAL SOCIAL CLASSES

[Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen (2015). *The role of smoking on mortality compression: an analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010* // *Demographic Research*. 32: 589-620. doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.20]

Роль распространенности курения в сжатии смертности в Финляндии изучали Алисон ван Раатле, Микко Мюрскюла и Пекка Мартикайнен. Используя данные национального регистра за период с 1971 по 2010 г., авторы сфокусировались на различиях между представителями разных социальных классов; принадлежность к социальному классу определили по типу профессии: занятые интеллектуальным и физическим трудом. Авторы отмечают, что Финляндия вполне репрезентативна в качестве типичной западноевропейской страны, пережившей в XX веке эпидемию курения, а исключительное качество данных из регистра населения и сравнительно длинный ряд наблюдений позволяют изучать процесс на микроуровне (т.е. на уровне обобщения индивидуальных данных).

В анализе используется ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 50 лет, поскольку в более ранних возрастах роль связанных с курением причин смерти мала. Сжатие смертности авторы измеряют с помощью анализа вариации в дожитии (lifespan variation): фиксируется, насколько значительно было неравенство в продолжительности жизни людей и как этот параметр менялся в зависимости от распространенности курения и социально-экономического статуса. В качестве измерителя неравенства в продолжительности жизни используется показатель e_{50}^{\dagger} , разработанный Вупелем и Канудас Ромо (2003)². Этот показатель отражает среднюю ожидаемую продолжительность жизни на момент смерти, т.е. показывает, сколько в среднем потеряно лет от преждевременной смертности.

В Финляндии на протяжении всего периода наблюдения фиксировалась значительная разница в смертности от причин, связанных с курением, в зависимости от социально-экономического статуса (рисунок 21). Эти различия более заметны у мужчин в силу большей распространенности у них курения, в особенности в недавнем прошлом.

Авторы ожидали, что большая подверженность курению среди людей низшего социально-экономического класса объяснит наблюдаемый увеличивающийся разрыв в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет в зависимости от социально-экономического класса. Результаты оказались ровно противоположными для мужчин и нейтральными для женщин. Исключение из рассмотрения всех смертей, связанных с курением, не только не объясняет разницу в ожидаемой продолжительности жизни мужчин разных социально-экономических классов, но и увеличивает ее, вариация в дожитии аналогичным образом увеличивается (рисунок 22).

² Vaupel J.W., V.C. Romo (2003). Decomposing change in life expectancy: A bouquet of formulas in honor of Nathan Keyfitz's 90th birthday // *Demography*. 40(2): 201–216. dx.doi.org/10.1353/dem.2003.0018

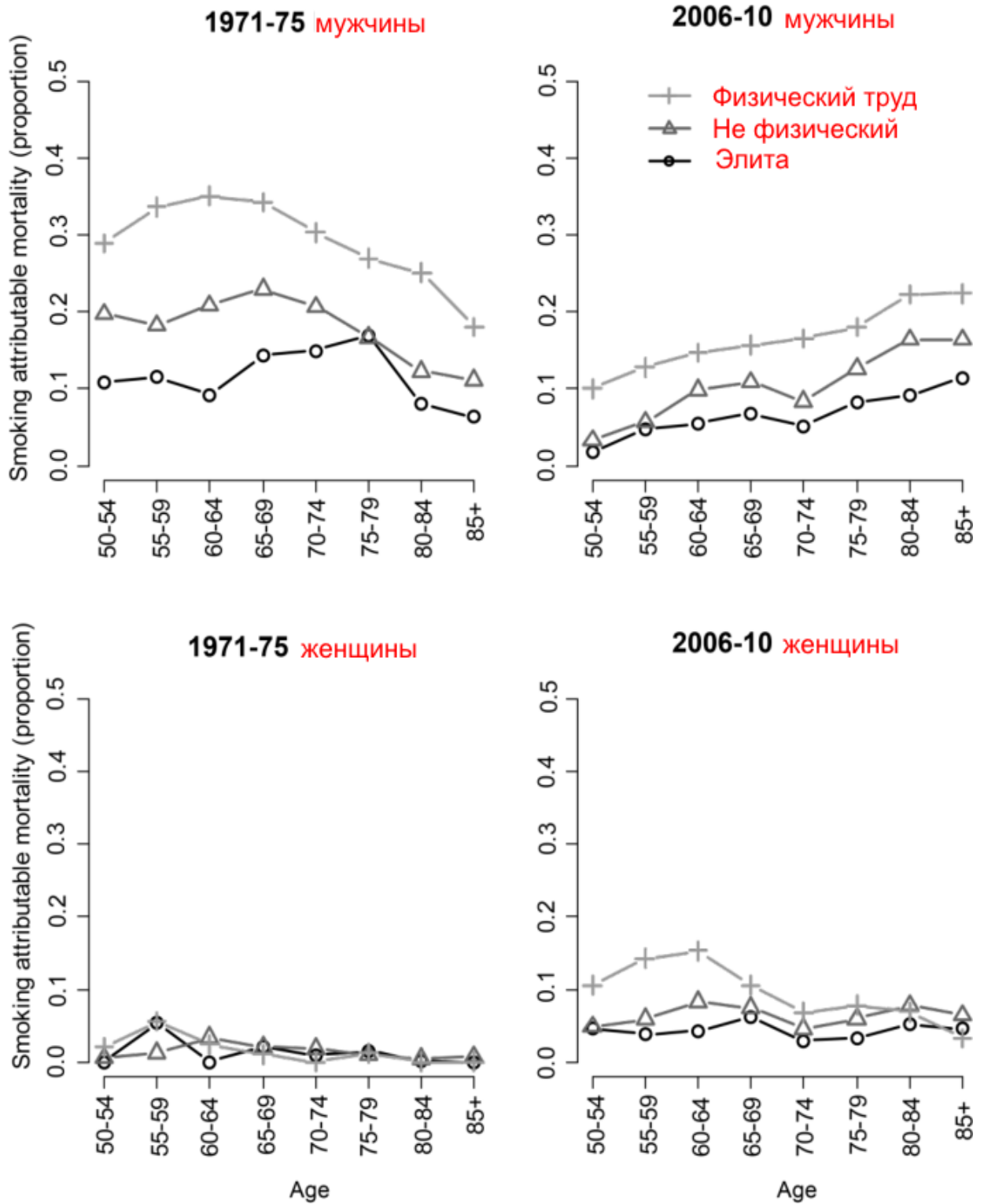

Рисунок 21. Доля смертей от связанных с курением причин в зависимости от социально-экономического класса, определяемого характером работы

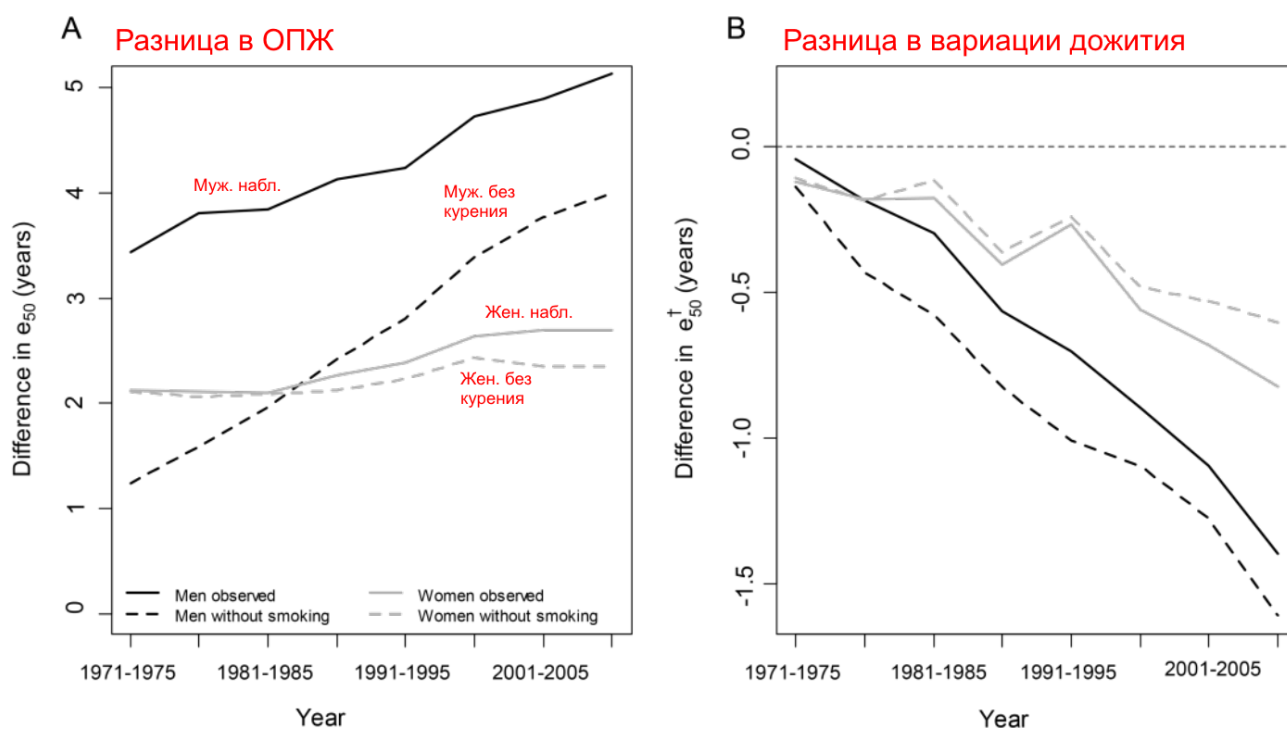

Рисунок 22. Влияние смертности от связанных с курением причин на разницу между высшим и нижним социально-экономическим классами в ожидаемой продолжительности жизни – ОПЖ (А, левая панель) и вариации дожития (В, правая панель)

В заключение исследования авторы с некоторым удивлением отмечают, что, оставаясь существенной причиной смертности в зрелых и преклонных возрастах, курение не в ответе за значительные и увеличивающиеся различия в смертности между представителями разных социально-экономических классов. Дополнительный анализ, опубликованный в других статьях авторов, показывает, что ответ кроется в смертности от внешних причин, которая особенно велика среди представителей простых профессий.

THE CONTRIBUTION OF A HISTORY OF HEAVY SMOKING TO SCOTLAND'S MORTALITY DISADVANTAGE

[Kelly L.A., S.H. Preston (2016). *The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage* // *Population Studies*. 70(1): 59–71. doi.org/10.1080/00324728.2016.1145727]

Лора Келли и Самюэль Престон с помощью анализа исторически высокой смертности от связанных с курением причин объясняют заметное отставание Шотландии от прочих развитых стран в росте ожидаемой продолжительности жизни (рисунок 23). Среди развитых стран мира Шотландия отличается как широким распространением курения, так и высокими показателями потребления сигарет в расчете на одного взрослого. При этом постоянные и неизбежные сравнения с Англией и Уэльсом заставляют остро чувствовать проблематичность этого феномена.

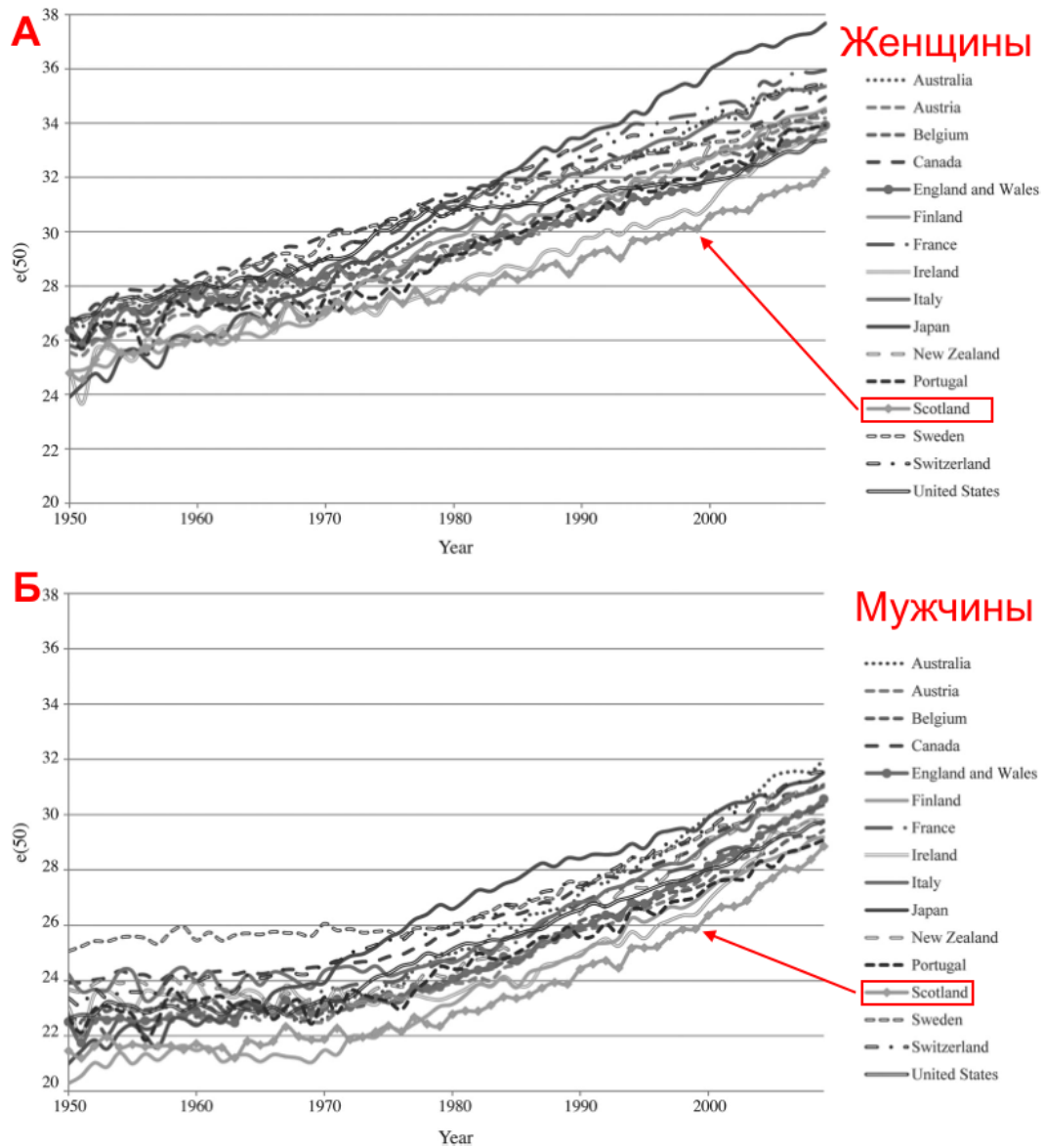

Рисунок 23. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 50 лет в некоторых развитых странах: А – женщины; Б – мужчины

Расчеты исследователей показывают, что, если бы не избыточная смертность от связанных с курением причин, Шотландия на протяжении последнего полувека догоняла бы Англию и Уэльс по показателю ожидаемой продолжительности жизни женщин (рисунок 24А) и как минимум не увеличивала бы негативный отрыв по ожидаемой продолжительности жизни мужчин (рисунок 24Б).

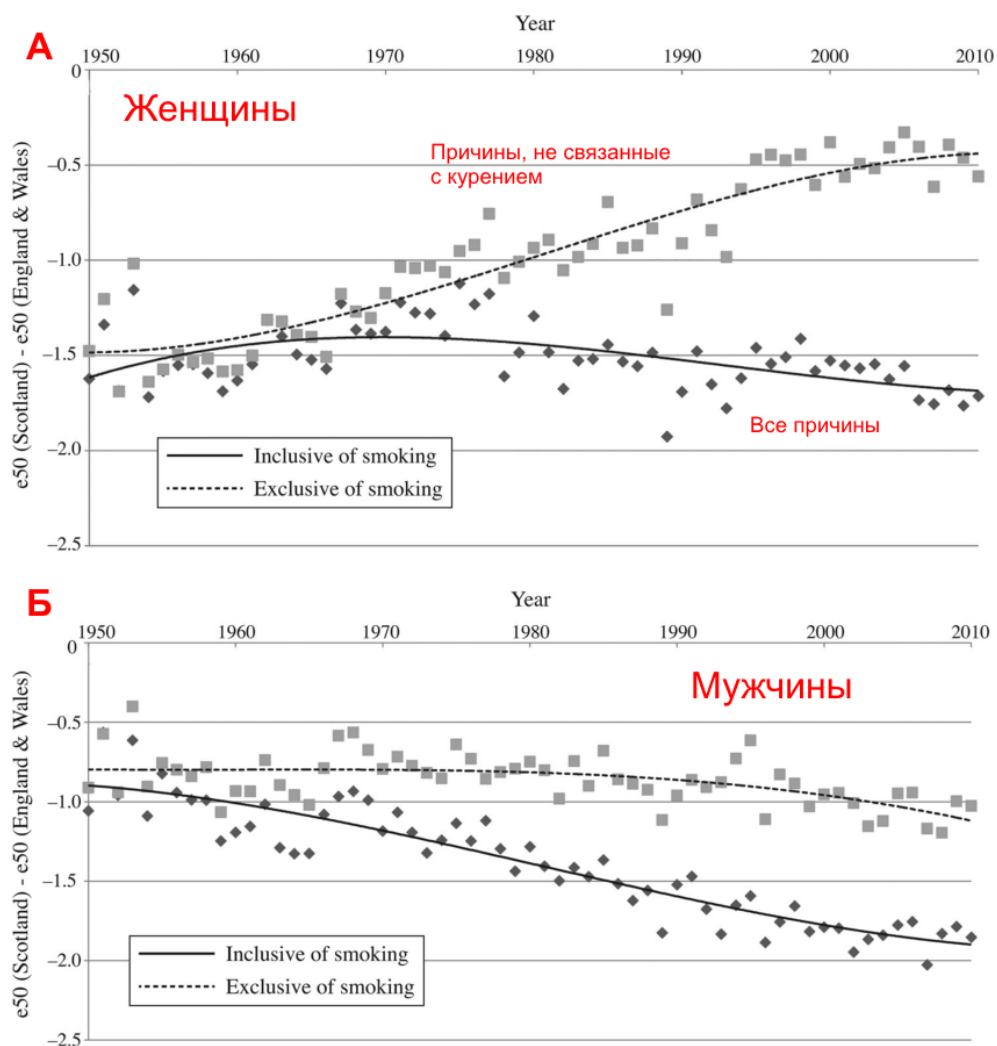

Рисунок 24. Разница в ожидаемой продолжительности жизни между Шотландией и Англией с Уэльсом: А – женщины; Б – мужчины

В обсуждении результатов авторы отмечают, что причины повышенного потребления табачной продукции и в результате смертности от связанных с курением причин в Шотландии не ясны. В законодательстве, регулирующем оборот табачной продукции, нет ничего, радикально отличающего Шотландию от прочих развитых стран. Вероятно, часть загадки кроется в сравнительно низком социально-экономическом уровне населения Шотландии в сравнении с чуть более благополучными южными соседями.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY^{1, 2, *}

- *Liefbroer A.C., A.-R. Poortman, J.A. Seltzer. Why do intimate partners live apart? Evidence on LAT relationships across Europe*
- *Vitali A., F.C. Billari. Changing determinants of low fertility and diffusion: a spatial analysis for Italy*
- *Grigoriev P., E.M. Andreev. The huge reduction in adult male mortality in Belarus and Russia: is it attributable to anti-alcohol measures?*
- *Scherbov S., D. Ediev. Does selection of mortality model make a difference in projecting population ageing?*
- *Tamborini C.R., C. Kim, A. Sakamoto. Education and lifetime earnings in the United States*
- *Marshall E.A. Population projections and demographic knowledge in France and Great Britain in the postwar period*
- *Matsudaira J.D. Economic conditions and the living arrangements of young adults: 1960 to 2011*
- *Janssen F., V. Rousson, F. Paccaud. The role of smoking in changes in the survival curve: an empirical study in 10 European countries*
- *Janssen F., F. van Poppel. The adoption of smoking and its effect on the mortality gender gap in Netherlands: A historical perspective*
- *Van Raalte A.A., M. Myrskylä, P. Martikainen. The role of smoking on mortality compression: An analysis of Finnish occupational social classes, 1971-2010*
- *Kelly L.A., S.H. Preston. The contribution of a history of heavy smoking to Scotland's mortality disadvantage*

¹ NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA); ² UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

* CORRESPONDENCE: ikashnitsky@hse.ru.